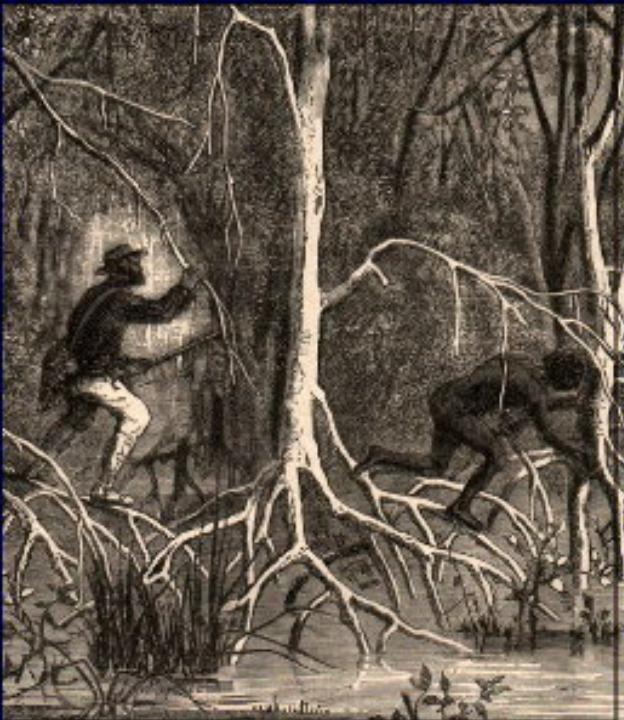

[Polaris]

РЕМОН МАРИВАЛЬ

АГУГЛУ

(Тайна африканского леса)

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXII

Salamandra P.V.V.

Ремон
МАРИВАЛЬ

АГУГЛУ

(Тайна африканского леса)

Затерянные миры
Том XXVII

Salamandra P.V.V.

Мариваль Р.

Агутлу (Тайна африканского леса). Пер. с франц. под ред. В. А. Мазуркевича (Затерянные миры, т. XXVII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 137 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXII).

В фантастическом романе французского писателя Р. Мариваля «Агутлу» рассказывается о приключениях ученого, отправившегося в дебри тропической Африки на поиски неизвестных науке обезьян-полюдей.

Роман продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, относящихся к жанру «затерянных миров» — старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

РЭМОН МАРИВАЛЬ

АГУЛУ

ТАЙНА

АФРИКАНСКОГО ЛЕСА

«НАУКА И ШКОЛА»
ЛЕНИНГРАД 1925

АГУГЛУ

(Тайна африканского леса)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немногим из жителей Туниса известен негритянский квартал, несмотря на то, что он находится в двух шагах от управления учебного округа и здания суда. Чиновники, учителя, тяжущиеся, переполняющие грязный трамвай из Казбы, ежедневно проезжают мимо этого квартала, минуя площадь Бак-Суика с ее открытыми рундуками и снующей живописной толпой.

Квартал этот раскинулся в сторону от трамвайного пути и состоит из нескольких сотен жалких мазанок, выбеленных известкой, наполовину смытой осенними дождями. Случайно, без симметрии разбросанные переулки извиваются, как змеи, образуя окольные завороты, острые углы, крючки и причудливые параболы. Мазанки так низки, что человек среднего роста, приподнявшись на цыпочки, может одним взглядом обнять внутренность жилища сквозь покрывающую его плоскую, потрескавшуюся кровлю.

До войны, в глубине одного из этих переулков, прислонясь к стене бедной мечети, стояла маленькая хижина; там помещалась лавка старьевщика из плохо сколоченных заплесневелых досок; она вмещала кучу самых удивительных предметов: в неописуемом беспорядке валялись там старые ярко размалеванные ящики, шестисвечные канделябры вперемежку с медными блюдами, деревянные суданские вазы, ожерелья из рыбьих костей, позонки гиены, черепаши панцири, чучела ящериц, челюсти крокодилов и акул, изъеденные ржавчиной шпаги, амулеты, ладанки, разукрашенные подушки с туарегских стоянок, табакерки с рисунками, сделанными хенной, зазубренные дротики, круглые щиты из кожи гиппопотама и продолговатые — из кожи жирафа, напоминающие своим видом гербовые щиты рыцарей времен крестовых походов. В углу, на источенной червями полке, среди пыли и паутины, виднелось даже целое собрание старинных книг и арабских рукописей. Хозяин лавки был не только старьевщик, но и талеб (ученый); боль-

шую часть времени он сидел у двери своего домика под диким виноградом, скучно бросавшим чахлую тень, и разбирал какую-нибудь старинную книгу, изъеденную тараканами и засиженную мухами.

Странный человек был этот талеб! Черный, как сажа, с зеленоватой бородой, он казался очень старым и дряхлым. Оспа изрыла его лицо ямками, как шумовку, и разъела веки, беспрестанно мигавшие под толстыми железными оксидированными очками.

— Что ты ищешь? — спросил он меня дребезжащим голосом, когда я первый раз остановился перед его лавкой.

— У меня есть все для того, кто интересуется Сахарой. Не хочешь ли вот прибитую к стене шкуру антилопы, или это туарегское копье, или кинжал с резной рукояткой? Нет? Ты презираешь эти безделки? Мне следовало бы догадаться об этом по твоим вдумчивым глазам. Ты тоже ученый. Как ты глубоко прав, сын мой, что посвятил себя науке, ибо всякое знание от Аллаха!

В то время я готовился к экзамену на диплом по арабскому языку. Как все новички, очутившиеся вдруг перед неограниченным и почти еще нетронутым полем исследования, я прямо-таки бредил старыми текстами и редкими монографиями.

— Я вижу, что тебе надо, — прибавил странный старьевщик, приложив дрожащую руку к векам и не спуская с меня глаз.

Он положил передо мной кипу разрозненных томов и тщательно стер с них пыль концом своего бурнуса.

— Вот, здесь неоценимые сокровища. Оставь, пожалуйста, эту грамматику польского языка, она неполна и ничего не стоит. Не предложу я тебе и этого словаря туарегских наречий Аира и Тагана. А вот уж это будет поинтереснее: здесь славная летопись Ибн-Шадура. Может быть, тебе уже известны эти сведения о древних государствах Нигера? Позволь, в таком случае, обратить твое внимание на другую редкостную книгу — это история династий, последовательно царствовавших в Судане, во славу господина нашего Магомета, да почиют на нем мир и благодать!

Он подал мне потрепанную рукопись с изорванными страницами, засаленную пальцами многих поколений. Это была хроника Бараминдана, самого могущественного негритянского монарха в Средние века. Я знал, что она могла дать прекрасный материал по изучению народностей Масины и Москвы с начала введения ислама в этих странах до X века нашей эры.

Пока я перелистывал рукопись, его глаза упорно следили за мной из-под руки, приложенной козырьком ко лбу.

— Сколько ты хочешь? — спросил я, закрывая книгу. — Страницы здесь испачканы; некоторых не хватает, а на других ничего разобрать.

— Твоя цена будет моей, — отвечал он бесстрастно.

Наступала ночь; какая-то женщина, закутанная в длинное белое покрывало, прошла мимо нас, опустив глаза и прижав локти к тулowiщу. Поравнявшись со мной, она сорвала со стены ветку дикой мяты и смяла ее между пальцами, чтобы вдохнуть ее аромат.

— Хочешь один дуро?

Он поднял к небу свои высохшие руки.

— Ты слышишь, пророк! Один дуро за книгу, где покончился столько погребенных в прошлом веков! Я буду глупцом, если продам тебе ее даже за пять!

— Вот тебе два дуро, — сказал я, желая покончить торг, — но возьму еще в придачу и эту рукопись, которая не может тебя интересовать, так как она написана по-французски.

— Ты ошибаешься, это очень старая рукопись и имеет свою историю. Обещай мне три дуро и я расскажу ее.

Он зажег керосиновую коптилку, которая, мерцая, распространяла едкий дым и сел рядом со мной на деревянную скамейку.

— Было это давно, — начал он низким голосом, — очень давно, когда моя борода еще только начинала седеть. Я жил в Куке, большой и процветавшей тогда столице Бурну. Арабы кишили там, как белые муравьи в муравейнике, христиане же появлялись редко. Тот, о котором я поведу речь, был первым из них, с которым мне случилось завести сно-

шения. Явился он летним вечером, когда бушевал арматан, принося на своих крыльях пески великой пустыни. Караван, к которому присоединился этот белый для перехода через дюны Канена, остановился на отдых под деревьями, осенявшими своей тенью базарную площадь.

Насколько мне помнится, это был худощавый человек с резко выдавшимся носом и всклокоченной бородой, закрывавшей всю нижнюю часть его лица. Он любил детей, постоянно вертевшихся вокруг него, и научил их собирать ему самых разнообразных букашек, какие только живут под небом Аллаха. Вечерами, выйдя из палатки, он садился на землю и, не отрываясь, долго писал что-то в тетрадке, под назойливую трескотню стрекоз. Однажды утром я узнал, что он умер от приступа лихорадки. Откуда он явился? Какие душевые потрясения убелили его волосы, заострили черты его лица, сгорбили его спину? Какую тайну хранил он в глубине своих глаз? Он никому не поведал ее, но, может быть, успел записать ее перед смертью. Вот его записки. Отнесись к ним с благоговением. Я даю тебе в руки бесценный документ.

Талеб спрятал в карман мои три дуро и призвал благословение на меня и на всех моих родственников до пятого поколения.

Признаться, рукопись меня разочаровала. Написанная карандашом, на пожелтевшей бумаге, неровным и быстрым почерком, она была почти совершенно неразборчива. Что же касается самого рассказа, то он сообщал о таких странных, таких неправдоподобных событиях, что показался мне от начала до конца плодом расстроенного воображения какого-нибудь мечтателя. И я спокойно положил эти листы в ящик стола, где хранятся различные реликвии, как на кладбище моих воспоминаний.

Они спали бы там по настоящее время и мне не пришла бы в голову мысль обнародовать их, если бы, много лет спустя, я не вспомнил о них снова благодаря некоторым неожиданным обстоятельствам. Я прошу разрешения читателей «Агутлу» рассказать об этих воспоминаниях.

В октябре 19... г. я ехал на пакетботе «Герцог Омальский», принадлежащем Трансатлантической компании и совершающем рейсы между Марселеем и Тунисом. При отплытии дул сильный западный ветер и корабль качало неимоверно. К великому удовольствию метрдотеля, покручивавшего усы, большая часть пассажиров оставалась в своих каютах и не появлялась к обеду. Те же, кто имел силу бороться с морской болезнью, сидели на верхней палубе и дышали свежим воздухом; пожалеть об этом усилии воли им не пришлось, так как с приближением ночи ветер начал спадать и море успокоилось.

Нас было около тридцати человек, — местных поселенцев, коммерсантов и чиновников, возвращавшихся к месту службы; все мы растянулись на соломенных креслах на носу пакетбота. Среди нас находился прелат, долго проживший в Западной Африке и выдвинувшийся благодаря событиям великой войны. Я не имею права называть его имя, но нетрудно о нем догадаться, если я только скажу, что он был одинаково известен и своим высоким ростом, и своими высокими качествами. Это тот самый епископ, которого после подписания перемирия государственный человек, управлявший в то время нашей страной, вызвал к себе и, приподнявшись на цыпочки, дружески похлопал по плечу и буркнул в усы: «Добро пожаловать, мой маленький епископ!»

Сидя в центре нашей группы на носу судна, маленький епископ, о котором идет речь, овладел разговором; его длинная белая борода ниспадала веером на грудь и загоревшее под тропическим солнцем лицо улыбалось. Он долго рассказывал нам об отрядах черных, которым он неутомимо оказывал помощь и служил по всей линии огня. Затем разговор коснулся отдельных местностей: Конго, Убанги и великого, таинственного Судана.

— Ваше высокопреподобие, — спросил один из нас, смелый охотник, — вам, вероятно, часто приходилось иметь неприятные встречи в этих странах, кишащих дикими животными?

— Ничуть не бывало, — ответил прелат, даже не задумавшись. — Совершенно напрасно воображают, будто львы, пан-

теры и слоны представляют какую-нибудь реальную опасность для путешественника по африканским лесам. Опасность в другом, — в бесконечно маленьких созданиях: в мошках, слепнях, муравьях, пиявках, тысячеложках, которые вас беспощадно преследуют.

Он замолчал, задумчиво глядя на усеянное звездами небо. Млечный Путь, столь тусклый на севере, развернулся здесь яркой полосой и сквозь складки его прозрачного покрова угадывалось бесконечное множество других миров.

— Впрочем, — возобновил он разговор, поправляя на плечах свою мантию, — мне вспоминается одно приключение. Пять лет тому назад я проезжал по верхнему Убанги, получив от генерала Манжена поручение, касавшееся набора черных войск. В наше время автомобили проникают всюду. Моя машина представляла собой небольшую, но крепкую и удобную двухместную колясочку. У руля сидел мобилизованный бенедиктинец, человек решительный и до мельчайших подробностей знавший местность. Кривая и едва заметная тропинка, по которой мы ехали, врезывалась, как острый клин, в самое сердце леса. Направо и налево тянулись густые заросли панданов и рафии, покрытых розовыми венками, пахнувшими мяты. Мириады зеленых мошек крутились в солнечных лучах, пронизывавших листву. С одного края тропинки на другой пауки, охотясь, перекинули свои сети, и наш автомобиль бесшумно разрывал их. Таким глубоким спокойствием веяло от леса, так безгранично было ощущение полной безопасности, что я раскрыл свой требник. Я читал обедню, как вдруг бенедиктинец взволнованным голосом прошептал мне на ухо: «Недобрая встреча, ваше высокопреподобие, вон орангутанги!»

Подняв голову, я посмотрел вперед. Зрение у меня очень слабое, и только через некоторое время я рассмотрел на тропинке тесную группу каких-то рыжих существ, шедших, опираясь на палки; их тяжелая, спотыкающаяся походка показалась мне схожей с походкой пьяных или калек.

«Держитесь покрепче, я наддам ходу, чтобы вихрем промчаться мимо них».

К несчастью, судьба была против нас. Разлившийся ранее поток перерезал дорогу в этом месте колеями и усыпал обломками. Волей-неволей пришлось замедлить ход; и когда мы поравнялись с орангутангами, то делали не больше 15 километров в час. Они сразу же выстроились по обеим сторонам тропинки, и я легко мог их рассмотреть. Были ли это обезьяны? С палками в руках, они стояли на своих коротких ногах, покрытых рыжими волосами, и пристально смотрели на нас. Их зеленые, пронизывающие глаза были так выразительны, так человечны, что, пока мой шофер нажимал на гудок и трубил, отчаянно трубил, я машинально поднял руки и привычным жестом благословил их.

Рассказчик остановился, чтобы перевести дыхание; один из нас хотел вставить слово, но прелат сухо остановил его:

— Извините, я не кончил. Вы хотели этого рассказа, так теперь уж вам придется его глотать до конца. Как только путь очистился, автомобиль помчался стрелой. Впрочем, орангутанги вовсе и не думали нас преследовать. Взглянув из предосторожности назад, я увидел, что они снова собрались в тесную группу на тропинке и, следя за нами глазами, показывали кулаки. Я никогда больше не видал орангутангов, но в тот же вечер мне пришлось услышать о них. Приехав раньше срока на очередной этап, мы застали начальника поста стоящим в топырящейся рубашке и в сандалиях перед кухонным очагом и с величайшим тщанием лично наблюдавшим за тем, чтобы его съестные припасы хорошенко за jakiрились. На этих отдельных постах, где гости так редки, а частым сношениям с соседями мешает расстояние, — приезд каждого нового лица составляет целое событие. День этот отмечается чуть ли ни мелом на стене. Все, начиная от начальника поста до самого последнего поваренка, сбиваются с ног. В честь меня было устроено обильное пиршество, на котором тонкие изысканные блюда чередовались с самыми несуразными яствами. Разумеется, я не собираюсь передавать вам меню этого пира, позвольте только упомянуть об одной подробности: там был хлеб! Это очень редкий продукт под тропиками, где хлебные злаки отличаются одним свойством: тесто из муки не хочет подниматься и расплывается

в печке. Хлеб, которым нас угождали, показался мне восхитительным; чтобы достойно закончить обед, комендант, после сочного жаркого из цесарок и лесных куропаток, только что собрался откупорить несколько бутылок шампанского, тщательно спрятанных от жары в глубине ямы, приспособленной на этот случай, как вдруг пронзительные крики потрясли деревянные переборки дома. Наш хозяин, уже поднявшийся, чтобы произнести первый тост, поставил бокал на стол, выбравшись сквозь зубы, и вышел. Минуту спустя он прикрыл дверь и позвал меня:

«Посмотрите, ваше высокопреподобие, каких тут дел понаделали ваши орангутанги!»

Во дворе заунывно причитал истощенный, изъеденный проказой старик. Позади него, царапая себе лица, ползали и ныли три седые, сморщеные, толстые негритянки с грудями, похожими на зобы.

Уверяю вас, я ничего не выдумываю. К несчастью, это была истинная правда: орангутанги неожиданно напали на негритянское селение, убили здоровых мужчин, увели всех молодых женщин и затем подожгли хижины, разбросав по их соломенным крышам горячие уголья из очагов. Пост возвышался над долиной и нам были видны еще горевшие вдали жилища, затягивавшие небо черным дымом. Месяц спустя, когда мне снова пришлось побывать в этой местности, я узнал, что из тридцати шести похищенных орангутангами женщин вернулись только семь; из них три сошли с ума от всего пережитого. Остальные продолжали оставаться навсегда пленницами таинственного, непроницаемого леса.

Я дословно передал слышанный мною рассказ, но тут же спешу исправить одну неточность: в Африке нет орангутангов. Орангутанги водятся исключительно на островах Индийского архипелага, на Тиморе, Суматре и Борнео. Единственными представителями приматов в Африке являются шимпанзе и гориллы. Следует еще заметить, что они с трудомдерживают вертикальное положение, стараясь сохранить равновесие при помощи рук. Но как только им вздумается бежать, они опускаются на четвереньки. Шимпанзе, горил-

лы, орангутанги никогда не собираются в большие группы, а живут отдельными семьями в глубине леса. Они не нападают на деревни; он не похищают женщин; их оружием служат исключительно руки и зубы; если кто-нибудь из них в виде исключения вооружается палкой для самозащиты, то сейчас же по миновании надобности бросает ее.

Здесь я ставлю вопросительный знак.

Если странные существа, встреченные прелатом при только что изложенных обстоятельствах, не могли быть ни орангутангами, ни шимпанзе, ни гориллами, то я допускаю только одно предположение — наверное, и читатель, прочтя последующие строки, согласится со мной: быть может, почтенный прелат, правдивость которого вне всяких подозрений, странствуя по верхнему Убанги, встретил Агуглу?

I

АБУ-ГУРУН

Я уже больше года жил в экваториальной Африке, на территории Бонгассу, короля племени кауэле, когда в первый раз услышал об Агуглу.

Мой домик стоял в горах, на границе, разделяющей бассейны Убанги и Нила. Его остроконечная крыша выдавалась над глиняными стенами и опиралась на внешние столбы, образуя нечто вроде веранды с навесом. В сумерки, когда земля возвращала небу поглощенное ею тепло, я садился на этой веранде; от свежей соломы пахло ароматом лугов. Небо отливало красками розы и зеленого перламутра. Странные благоухания насыщали атмосферу. Ваниль, имбирь и дурман раскрывали свои чашечки и распускались с приближением ночи.

Несколько негров, доставлявших мне жуков и редких птиц, являлись за приказаниями на следующий день. Поджав ноги, садились они вдоль скамеек на циновки из тростника и шпажника и с трубками в зубах молча почесывали подошвы голых ног. Наполовину потонув в тени, вырисовывались неясные очертания группы нубийцев, недавно прибывших сюда за слоновой костью; временами вспыхивали в этой группе желтые огоньки папирос, дымом которых затягивались нубийцы. Нубийцы — вестовщики пустыни. Они разносят по всей экваториальной Африке сведения о странах, которые они посетили; их языки не скрупятся на чудесные рассказы, происхождение которых можно отнести к первым векам человечества. Великаны, карлики с гривой, люди с хвостами, большие обезьяны — строительницы городов, мохнатые сатиры, встреченные Ганноном Карфантенским во время его морского путешествия, то и дело попадаются в их рассказах, которые они для большего правдоподобия сдабривают подробностями.

Действительно ли все это простые выдумки? Их рассказы дышат такой убежденностью, что сомнение закрадывает-

ся даже в наименее легковерные умы. В конце концов, впрочем, предания, сохраняемые ими со временем глубокой древности, быть может, и имеют кое-какие основания. Разве не открыли недавно пигмеев, живущих на деревьях? Еще Плиний и Геродот рассказывали об их битвах с журавлями, повадившимися посещать их болота. Этот маленький народец, открытый несколько веков тому назад португальскими купцами, в наши дни изучен и описан многочисленными путешественниками: Пиацца, Швейнфуртом и Стэнли, жившими в их стране.

Один нубиец, в особенности, обладал неисчерпаемым запасом рассказней.

Это был человек выше среднего роста, слегка хромавший, худой, нервный, с волосатыми, сухими руками. Орлиный нос выступал между выдающимися скулами, над тонкими губами и взъерошенной бороденкой. Под суровыми бровями сверкали хитрые, живые и угрюмые глаза, прикрытые широкими веками. Около левого глаза беспрестанно двигалась гусиная лапка, то собирая, то расправляя сеть своих морщинок. Трудно было определить его лета по этому покрытому морщинами лицу, которому огненное солнце придало цвет ореховой скорлупы. Под широкой белой одеждой вырисовывалось мускулистое тело, а лицо, несмотря на бесчисленные морщины, казалось молодым под красной феской с голубой шелковой кисточкой. Его звали Абу-Гурун. Он исколесил всю Африку: ни великие озера, питавшие Нил и Замбези, ни притоки Чада, Шари и Конго, ни самые неприступные скалы, ни непроницаемые леса не имели от него тайн.

В общем он представлял собой яркий образец энергичных арабских купцов, которые с ружьем на перевязи и пистолетом за поясом, подобно суровым купцам древности, партиями углубляются в леса и пустыни для меновой торговли.

Нелестные вещи высказывались по его адресу. Черные обвиняли его в торговле невольниками за счет арабских подрядчиков Бурну и Вагири*.

* Государства в Восточном Судане (*Здесь и далее прим. из orig. изд.*).

Даже мой слуга Сироко, хотя и чувствовавший себя в безопасности возле меня, не мог подавить невольного движения испуга при виде Абу-Гуруна. Бедняга, урожденец Бариль-Тазала, был еще в молодости уведен работоторговцами, и в его темной душе жило воспоминание о горящей хижине, о гниющих на дороге трупах и о причитающих женщинах, кусящих кулаки от голода.

— Берегись, — сказал он мне в первый же день, когда появился Абу-Гурун, — этот человек хитер и зол, — и его губы растянулись в выразительную гримасу.

Мы стояли перед хлевом, где помещалась наша корова с опущенным до земли выменем. Все еще продолжая ворчать, Сироко погладил животное вдоль сосков, потом дунул ему под хвост. Это было, по его словам, самым верным средством получить молоко. И в самом деле, из переполненного вымени двойной пенистой струей брызнуло молоко.

— Я знал многих, — начал он снова, — на губах которых было всегда имя Аллаха, а в углах рта таилось коварство. Все они хромали на левую ногу и знаешь, почему? Потому что долго сидели в тюрьме и были прикованы к столбу.

Зачем я не послушался Сироко! Я не пережил бы тех ужасных часов, от которых главным образом поседел и согнулся, как старик. Но тогда я не знал того, что готовила мне судьба.

К тому же, Абу-Гурун казался услужливым и преданным. Он с негодованием отрицал какие бы то ни было предосудительные планы или поступки со своей стороны. Если верить ему, он искал слоновую кость, золотой песок и этим ограничивал все свои вожделения.

— Я ненавижу ложь, — утверждал он в этот вечер, делая жест, имевший целью подчеркнуть его искренность. — Ложь — орудие дьявола, да будет он проклят вовеки!

И добавил, перебирая четки, которые каждый добрый мусульманин носит при себе:

— А слыхали ли вы что-нибудь об Агуглу?

Предвкушая услышать что-нибудь необычайное, я сделал знак Сироко разнести табак и местное пиво. Абу-Гурун поднес к губам чашку из древесной коры, содержавшую осве-

жающий напиток. Призвав, как подобает, имя Господне, он с видом знатока отхлебнул напиток, до которого был большой охотник, и трижды, как того требовала вежливость, щелкнул языком.

— Это пиво, — сказал он, — дар жарких стран, пользующихся исключительной милостью божьей. Поэтому, без всякого сомнения, Пророк не запретил нам его употребление. Да будет благословенно его имя!

Я привык к подобного рода вступлениям и терпеливо ждал, когда нубиец пожелает начать свой рассказ. Черные, которых волнуют всякие сказки и вгоняют в страх все неведомое, приблизились, перешептываясь и ощупывая свои амулеты; наступило полное, ничем не нарушающее молчание. И только стрекотанье сверчков в полях проса баюкало нас.

— О вы все, слушающие меня, — продолжал нубиец, свертывая папиросу, — я беру вас в свидетели, что Агутлу нас окружают и следят за нами. Кто из вас на охоте или в засаде не слышал их голосов, не угадывал в темноте их присутствия? Один только чужестранец их не знает.

Он успокоил рукой утвердительные возгласы, робко поднявшиеся среди черных. Маленькая ящерица с ярко-красным брюшком, бежавшая по частоколу в поисках москитов, прижалась к смолистым доскам и с любопытством наклонила плоскую голову.

— Я видел их так же, — сказал Абу-Гурун, — как я вижу эту ящерицу. Я первым из людей прошел через их землю, и вот эти самые глаза, отважные глаза мусульманина, смотрели им прямо в лицо. Они живут за лесом, по склонам горы, опустошенной небесным огнем. Некогда они занимали обширные города, где золото, благородные металлы и драгоценные камки сверкали на минаретах и куполах. Эти города так велики, что мне понадобилось несколько дней, чтобы обойти их развалины, но какой вес имеет все это величие перед божиим гневом? Бог дунул на их здания, и они рассыпались в прах.

Нубийцы, чуткие к гиперbole, многозначительно покачивали головами.

У самого молодого из них слегка дрожали губы, когда он

спросил:

— Скажи, Абу-Гурун, какое ужасное преступление погубило их?

— Гордость, — ответил Абу-Гурун, подняв глаза к небу.

— Чтобы их наказать, бог превратил их в животных. Покрытые шерстью, как дикие звери, они питаются сырым мясом. Ночью они охотятся на антилоп или диких кабанов и преследуют их с воем, как шакалы.

— Да сохранит нас бог от лукавого! — хором произнесли нубийцы, когда Абу-Гурун замолчал.

Меня его рассказ заинтересовал только наполовину, так как в общем легко было заметить его неправдоподобность. Однако, из того, что он рассказывал об этих странных обитателях пещер, кое-какие подробности могли согласоваться с действительностью.

Вопрос о происхождении человека — вопрос очень спорный. Ни одно наиболее приближающееся к животным племя не сохранило неопровергимых следов своего происхождения.

Люди или обезьяны эти Агутгу, но методичное изучение их на месте позволит, быть может, приподнять край завесы.

Нубийцы и черные удалились. Последним исчез Абу-Гурун, согнув плечи и волоча ноги. Я остался один под навесом, где посвежевший ветерок возвещал полночь. На небосклоне развернулись во всем своем великолепии неведомые на нашем полуширии созвездия Арго, Центавр, два Магеллановых облака и Южный Крест.

«Именно здесь, — говорил я себе, — надо искать первые следы зарождения человечества. Со времени третичного периода наш шар значительно охладился, и большие человекообразные обезьяны нашли убежище в тропических странах. Последуем за ними, если хотим найти ключ к тайнам».

В надежде получить какие-либо разъяснения я спрашивал черных, встречавшихся мне на пути во время моих энтомологических прогулок. Останавливаясь у каждого муррейника, где обыкновенно сходятся негритянские старшины для торговых переговоров с приезжими купцами, я всеми силами старался усыпить недоверчивость туземцев. Но их от-

веты отличались такой ложью, что никоим образом не могли меня удовлетворить.

Я уже хотел отказаться от своих исследований, когда меня навестил Абу-Гурун.

— Я приехал с юга, — сказал он мне, — и узнал много для тебя интересного.

Он говорил тихо, бросая украдкой взоры на кусты жасмина, обивавшего столбы моего навеса. Убедившись в полной безопасности, он прошептал мне на ухо:

— Я видел там одного Агуглу. Пигмеи, живущие на болотах, подстерегли его в засаде и связали; он — взрослое существо и, насколько я понял, войдет в состав партии рабов, посылаемых в виде подати Бангассу*: воспользуйся этим случаем, но действуй осмотрительно.

Нельзя было терять ни минуты. Приближались праздники, во время которых большая часть рабов приносилась в жертву; их тут же разрубали на части людоеды и пожирали на пиршестве.

Я поспешил собрать множество разнообразных предметов: ткани, мелкие стеклянные изделия, жестянные дощечки, медную и латунную проволоку; по совету Абу-Гуруна, я добавил еще пару желтых ботинок со шнурками. Бангассу, действительно, увидев меня обутым, всенародно выразил свое удивление:

— Вот чудо, — сказал он, — его ноги похожи на копыта антилопы!

Я жил в четырех часах ходьбы от резиденции Бангассу.

Когда я вышел на следующий день, природа еще была окутана предрассветными испарениями. Сквозь туман я едва различал разбросанные купы деревьев: бавольники с черными стволами и с висящей наподобие шлейфа корой и толстые, подагрические, угрюмые баобабы с торчащими из земли скрюченными и вспухшими корнями.

* Негритянский царек.

Когда взошло солнце и туман рассеялся, все оживилось. Соломенные хижины показались вдоль колоказных* полей. Навстречу стали попадаться молодые, рослые люди. Негритянская раса в этой местности не отличается приплюснутым носом и толстыми губами, столь характерными для негров Конго. Если старики отвратительны, то молодые, наоборот, достойны резца скульптора благодаря своему тонкому профилю и хорошему сложению. Стройные, гибкие, они шли спокойно, как молодые боги, под огненным солнцем, не заботясь о мухах, прилипших к их голой бронзовой коже. Среди них легко выступали немного, может быть, разжиревшие и коренастые женщины, натертые маслом сверху донизу, блестящие, как зеркало, и улыбающиеся во весь рот.

У негритянских царьков правила этикета всегда очень сложны, и поэтому для того, чтобы быть проведенным к Бангассу, я послал за церемониймейстером.

Явился напыщенный, толстый карлик и низко поклонился мне, скрестив руки на животе. Затем он подал мне правую руку; наши пальцы сцепились и, согласно правилам хорошего тона, мы трижды потрясли ими так, что они захрустели. Затем он провел меня в первый двор, где собирались воины Бангассу. Один из них, с отточенными и заостренными зубами (для более действительного применения их в бою), загородил мне дорогу.

— Король, — сказал он мне, — пляшет перед своими женами. Никто не имеет права входить туда.

Широким жестом я указал на следовавших за мной носильщиков, нагруженных подарками. Воин тотчас же посторонился, давая мне дорогу.

Мы вошли в обширную залу. Свод ее поддерживался тремя рядами столбов, сложенных из древесных стволов. Умятая пластом глина заменяла паркет.

В углу было устроено нечто вроде эстрады, где музыканты играли на необыкновенных инструментах. Маленький толстяк дул в трубу, вырезанную из ствола баобаба; другой,

* Хлебный злак.

высокий и неуклюжий, извлекал пронзительные звуки из рога антилопы с просверленными дырочками; третий, надув щеки и выпучив глаза, дул в какую-то нелепую кубышкообразную тыкву. Покрывая весь этот шум, длинный сухой негр, по-видимому, дирижер оркестра, неистово бил в барабан, выдолбленный в колоде тамаринда. Тело негра было покрыто выпуклыми шрамами, произведенными раскаленным железом. На корточках в два ряда вдоль всего помещения сидели около сотни женщин, сопровождавших музыку хлопанием руками.

И перед ними плясал Бангассу. Пучок перьев был укреплен у него на голове; другой пучок торчал ниже пояса на манер петушиного хвоста.

Пляска короля была, в сущности, головокружительным кривлянием вперемежку с прыжками вверх и огромными скачками в сторону. Весь мокрый от пота, размахивая руками, он прыгал, скакал, кружился. Были моменты, когда я ожидал, что вот-вот он упадет с пеной у рта в припадке эпилепсии.

Но как раз тут-то он и набирался новых сил и принимался скакать с еще большим увлечением, чем раньше.

Вдруг он грохнулся в полном изнеможении наземь. Шум мгновенно прекратился и во всем помещении воцарилась мертвая тишина. Объятые ужасом музыканты, согнувшись, поспешно пробирались вдоль стен и исчезали. Женщины же в это время со вздохами и подавленным шепотом метались вокруг безжизненного тела своего короля.

Этот случай помог моим планам. Несколько удачных лечений при помощи домашней аптечки создали мне в стране славу колдуна. Придя в себя, Бангассу велел мне явиться. Он лежал в глубокой испарине, дрожа от лихорадки.

— Белые, — сказал он мне, — великие волшебники. Ты один можешь меня вылечить. Мои же колдуны — ослы.

И с жалобным видом он указал на пять или шесть распростертых пластом у его ног рабов, зеленых от страха и стучащих зубами. Рядом с ними бился с потухшими глазами зарезанный петух, которого они закололи для каких-то зак-

линаний. Несколько лепешек колы*, которые нашлись у меня в кармане, быстро подействовали на короля и, когда он стал благодарить меня и изъявлять свою дружбу, я поспешил воспользоваться случаем и изложил ему мою просьбу. Тотчас же он насторожил уши. Маленькие негритянские властители недоверчивы и подозрительны. Король долго раздумывал над ответом, машинально перебирая рукой ножные пальцы и поглаживая голени своих блестящих ног.

— Агуглу? — сказал он наконец. — Что ты хочешь этим сказать? О таком племени в своих владениях я не слышал ничего.

В то же время, я чувствовал на себе его подозрительный взгляд. Мне понадобилось много дипломатической ловкости, чтобы победить его опасение; в конце концов, это мне удалось, и я оставил его, добившись формального обещания.

И действительно, в последний день праздника мой слуга Сироко объявил мне о прибытии гонца от Бангассу. В жизнерадостном, маленьком человечке я узнал королевского церемониймейстера. Он отвесил мне множество поклонов, сопровождая каждое слово цветистыми формулами вежливых приветствий.

— Король в отчаянии, — сказал он. — Среди пленников находилось одно странное животное, похожее по телесному строению на человека, но оно было так опасно, что сторожа оказались в необходимости убить его стрелами.

Он сделал два шага назад, вытянул левую ногу и поднял к небу свои маленькие жирные ручки.

Затем он снова заговорил, а его руки звонко упали на бедра.

— Бангассу ни за что на свете не хотел тебя подвергнуть смертельной опасности, и благословляет небо за этот случай.

Взбешенный и разочарованный, я хотел уже спровадить болтуна, когда наконец он открыл свои последние карты:

— Король, мой повелитель, — объявил он торжественно, — знает все, что происходит в его владениях. Ему донес-

* Африканское растение, употребляющееся для возбуждения деятельности сердца.

ли о твоей странной любви к костям. Вот сумка из кожи гипопотама: ты найдешь в ней кости интересующего тебя животного!

Церемониймейстер не успел еще повернуться, чтобы уйти, как я уже открыл сумку дрожащими от волнения пальцами и стал последовательно вынимать оттуда сперва нижнюю челюсть, затем черепную коробку, грудную клетку со всеми ребрами, таз и бедро.

Все это было начисто обскоблено ножом и носило следы укусов.

При первом же взгляде грудная клетка поразила меня своим чудовищным развитием, встречающимся только у шимпанзе, орангутангов и горилл. Таз, наоборот, явно отличался от таза обезьян, который находится у них в зачаточном состоянии и служит исключительно точкой опоры для нижних конечностей. Но тот, который я ощупывал пальцами, был настолько широк, что давал крепкую опору всему телу и позволял принимать вертикальное положение. Нижняя челюсть, которую я затем исследовал, свидетельствовала о большой силе и чисто животном развитии. Я нашел на ней, один за другим, все характерные признаки знаменитой среди ученого мира челюсти, открытой в Бельгии, в пещере Нолет.

Здесь, как и там, костяные отростки едва обозначены, а боковые впадины глубоко вдавлены. И вдруг я широко раскрыл глаза: на челюсти, которую я вертел в руках, с определенной ясностью обрисовывался несуществующий у обезьян подбородок.

Я лихорадочно схватил гладкий и ровный череп, очищенный от грязи.

Лобная часть была широка; лоб хотя низкий и покатый, но вполне нормального строения, походил на лоб бушменов или жителей Огненной земли и наших доисторических предков Неандерталя и Солютра. Насколько я мог судить, мозг властно занял оба полушария, трансформировал эту голову и заставил череп податься под давлением его державного превосходства.

Я перебирал его кости, измерял его рост, считал его позвонки!

Вне себя я подбежал к окну и ударом кулака открыл ставни.

Солнце исчезло и закат горел цветом меда и зеленого золота. По тропинке проходила женщина, неся на руках негритенка, сосущего ее отвислые груди. Она остановилась и улыбнулась мне во весь свой белозубый рот. При виде ее я сдержал крик, рвавшийся из моей груди к сверкавшему звездами небу*.

* Автор рукописи, приводимой нами, написал ее, вероятно, до открытия, сделанного д-ром Дюбуа. В наши дни непозволительно не знать, что на о. Яве упомянутый голландский ученый собрал по остаткам фауны дочетверичной эпохи скелет ископаемого существа, представляющего переходную ступень между обезьяной и человеком, и назвал его «питекантропос» (*Прим. авт.*).

II

АЗУБ

В моем уме смутно назревал план. Почему бы мне не изучить Агуглу на месте? Я сообщил об этом Абу-Гуруну, который с первых же моих слов отнесся к этому намерению враждебно.

— Вот тоже выдумал, — сказал он, — Агуглу далеко: сколько препятствий нужно преодолеть, прежде чем добраться до них. Во-первых, ты встретишь лес, где на каждом шагу попадаются ямы и где можешь запутаться в непроходимых зарослях. А черные лужи? А миазмы, выделяющиеся из грязи? Наконец, горы с пропастями и источенными червями скалами! Сколько ловушек и западней! Здесь змея извивается в траве; там прилипают зловредные мухи и шипят кожу; дальше тебя осаждают муравьи, а карлики, живущие на деревьях,сыпают целым дождем отравленных стрел!

Он постепенно возвышал голос, потрясал поднятым кулаком и подергивал плечами; его торчащая вперед бороденка точно шла на приступ невидимых преград. Впрочем, скоро он успокоился, повесил нос и, кусая усы, возобновил разговор уже в мягком тоне.

— Поверь мне, лучше оставаться дома и жить спокойно, подобно добродушным курам, которые, в безопасности от шакалов, мирно выводят цыплят.

При этих словах гусиные лапки его глаз стали подергиваться, нос сморщился, а рука задвигалась, словно он отгонял ей назойливое воспоминание, долбившее его мозг и собравшее морщины около висков.

— Допустим, — продолжал он, — в крайнем случае, ты отправишься к ним. Что же дальше? Как подойти к ним, как завязать с ними сношения и победить их неукротимую дикость?

Он провел рукой по лбу и прибавил шепотом:

— Если бы ты знал, какие ужасные часы я пережил! Каждую тоску! Какой страх! Я дрожу, как ребенок, при одном вос-

поминании об этом.

Но мое намерение крепко во мне засело; я как-то возобновил этот разговор и кончилось тем, что Абу-Гурун не выдержал моей настойчивости и уступил. Мы заключили договор. Я брал на себя издержки по экспедиции, а ему представлял золото, перья, слоновую кость, словом, всю добычу, какая могла быть получена. Со своей стороны, он с двумя нубийцами, в преданности которых был уверен, должен был служить мне проводником.

— Решено, — сказал он мне, подавая свою пергаментную руку, — мы отправимся в сентябре.

Было еще начало марта и я стал возражать против такого отдаленного срока.

— И все-таки мы не можем выйти раньше, — ответил нубиец, — приближается время дождей, когда пускаться в путь лесом, окруженным болотами, значит идти на верную гибель. А затем, эта отсрочка необходима еще и для того, чтобы успеть приготовиться к путешествию, набрать носильщиков и запастись всем необходимым.

Он замолчал и занялся разглядыванием своей руки, лежавшей на коленях.

В действительности, однако, старая лисица наблюдала за мной; чувствуя, что я еще не убежден, он прибавил, внезапно вставая:

— Если то, что я тебе обещал, не осуществляется, ты можешь отрезать мне ухо, или нос, или голову, — по твоему собственному выбору.

Первые ливни, предсказанные Абу-Гуруном, разразились через несколько дней.

В ожидании сухой погоды, я заперся дома со своими коллекциями. Мало-помалу растения были приведены в порядок и размещены в гербарии, но классификация насекомых требовала большего внимания. Надо было осторожно положить каждое из них на предохранительный клочок ваты, стараясь не сломать маленьких хрупких ножек и усиков. Сироко, неподвижно стоя на одной ноге, подавал мне их одно за другим. Изумрудные надкрылья, нагрудные щитки с металлическим отливом так и сверкали на ладони его руки. А ско-

лько требовалось предосторожностей, когда наступила очередь бабочек! Я видел, как дрожали его толстые пальцы, когда он подавал их: достаточно было малейшего сотрясения, чтобы их нежные крыльшки потускнели.

Я как раз насаживал на булавку гордость моей коллекции — сфинкса-гермафродита, когда вдруг раздались дикие крики, от которых содрогнулись стены хижины. В соседних хижинах заметно было сильное волнение.

Посреди тесной группы, расступившейся передо мной, я увидел двух маленьких чернокожих, опершихся на большие луки и угрюмо улыбавшихся мне. Около них глухо ворчало маленькое, коренастое существо, шея которого была зажата вилами, державшими его в некотором отдалении от провожатых. Пленник схватил конец вил руками и с остервенением царапал его когтями; лицо его, с блестящими, безостановочно вращающимися глазами, выражало безграничное бешенство.

Толпа все сгущалась; она колебалась сообразно движениям вил, то подвигаясь на несколько шагов вперед, то вдруг отступая, как бы от внезапного порыва ветра. Любопытство в ней боролось со страхом.

— Это Агуглу, — объяснил мне, наконец, Сироко. — Карлики поймали его недели две тому назад и требуют в обмен за него тканей, меди и ножей.

После долгих переговоров, условия обмена были установлены. Чтобы быть свободнее в движениях во время торговых споров, карлики привязали пленника к одному из столбов веранды. Короткие веревки едва позволяли ему поворачивать голову и шевелить руками, но ноги не были связаны и ему удалось цапнуть ими слишком смелого негритенка; икры мальчугана мгновенно покрылись кровью и он начал вопить благим матом. Благодаря этому случаю, создалось враждебное настроение. Некоторые уже прибежали, вооружаясь стрелами и размахивая дубинками.

Если я хотел, чтоб молодой Агуглу достался мне живым, надо было немедленно укрыть его в безопасное место. Я вспомнил о бамбуковой клетке, где в продолжение нескольких месяцев содержался маленький леопард, издохший в

начале периода дождей. Туда я запер на время моего дикого пленника. Он тотчас же спрятался в самый дальний угол и присел на корточки, не спуская с меня глаз.

Когда я подходил, он бросался грызть прутья решетки, стараясь запустить в меня свои когти. Желая приласкать его, я положил перед ним немного сахара, бананов и поставил молоко. Но он оказался равнодушным к этим лакомствам. Шерсть его поднялась, он с силой начал бить себя кулаками в грудь, а потом снова бросился на прутья решетки с такой стремительностью, что вся клетка заколебалась. Когда кризис прошел, он упал в изнеможении.

Я подумал, что он, может быть, примется за еду в мое отсутствие и вышел, закрыв предварительно ставни. Час спустя я вернулся и увидел, что клетка пуста. Мой пленник, пробуя, очевидно, каждый прут в отдельности, напал, наконец, на самый слабый и, сломав его зубами и когтями, устроил себе проход. Но далеко уйти он не мог, так как ставни были по-прежнему закрыты. Вдруг я заметил два зеленых глаза, блестевших в темноте, и увидел его в углу за грудой ящиков. Он, ворча, смотрел на меня и, опершись руками о землю, готовился к прыжку. Я моментально исчез, захлопнув за собой дверь.

В тот же вечер я приказал построить просторную хижину, где был бы свободный доступ воздуху и свету, но где все бамбуковые части были заменены очень твердым черным деревом.

Теперь возникал вопрос, каким образом перевести его туда.

Наконец, после нескольких бесплодных попыток, мне удалось накинуть ему на голову одеяло. Ослепленное таким образом маленько чудовище было перенесено в свою новую тюрьму. Там мы его оставили одного, чтобы не усиливать его раздражения, оно же билось под своим покрывалом и рвало его зубами.

На следующий день я с удовольствием заметил, что Агу-глу выпил молока и съел яйцо. С этого момента его буйный нрав начал смиряться. Припадки гнева прошли, но недоверчивость оставалась. Сидя неподвижно в углу своей хижи-

ны, он вытягивал голову и с угрюмым видом следил за каждым нашим движением. И только на восьмой день он проявил несколько большую общительность. Я назвал его Азубом, что по-нубийски значит «маленький друг», и он быстро понял, что это имя относится к нему. Когда я тихо звал его, избегая говорить громко, чтобы не озлоблять напрасно, он устремлял на меня взгляд, полный огня. «Азуб», — говорил я, подходя к нему с протянутой рукой, и он тотчас же приближался, раскачиваясь на своих коротких ногах, и хватал принесенные мной лакомства. Не прошло и двух недель, как он сопровождал меня из комнаты в комнату, держа за руку.

Азубу, если мои вычисления верны, было лет девять или десять. У него были сильные руки, широкая грудь и ноги, слишком тонкие для его роста. Хоть он и ходил всегда стоймя, однако я заметил, что он с трудом поднимает пятки и двигается наподобие орангутанга, ступая всей ступней. Редкая рыжая шерсть придавала его телу оттенок красного дерева. Пучки волос сгущались на щеках и на бедрах, были редки на животе и совсем отсутствовали на лице с покатым лбом и плоскими губами.

Подвижность его лица была изумительна, и различные выражения появлялись на нем с быстротой молнии: желание, удивление, любопытство, нетерпение сменялись одно за другим; эта немая игра лица изобличала страстную и отзывающуюся на каждое впечатление душу. Впрочем, я никогда не видел, чтобы лицо Азуба менялось без видимой причины; в нем уже замечались проблески сознания и размышления.

Пример разъяснит мою мысль. Когда я в первый раз протянул Азубу маленькое карманное зеркало, он взял его в руки и начал внимательно рассматривать, то поворачивая его во все стороны, то долго водя пальцами по поверхности. Онемев от удивления, он вопросительно смотрел на меня. Я подошел, и мое изображение появилось в зеркале рядом с ним. Тотчас в его уме создалась известная аналогия. Я понял, что он вспомнил о многочисленных лесных, прозрачных источниках, отражающих небо, лица и склонен-

ную листву; затем его лицо снова сделалось неподвижным и он осторожно постучал пальцами по стеклу, чтобы дать себе ясный отчет, в чем дело. Медленная работа происходила в его мозгу. Без сомнения, он не мог распознать природу зеркала, ни объяснить себе его происхождение, но через некоторое время он вполне постиг его употребление. С заметным интересом наблюдал он в зеркале за различными движениями мускулов своего лица. Он то поднимал голову, то вращал глазами, оттопыривал губы; затем принял расчесывать пушок, обрамлявший его щеки.

Зеркало сделалось вскоре его постоянным спутником. Он не хотел с ним расставаться и всюду носил его с собой. Однажды по неосторожности он разбил его и поспешно спрятал осколки, чтобы избежать выговора.

Как заменить эту игрушку, отсутствие которой огорчало его? В этих обстоятельствах Азуб проявил много проницательности и сметливости. Будучи любопытным от природы, он уже давно сделал наблюдение, что, желая достать какой-нибудь предмет — нож, зеркало, стеклянную посуду — я всовывал ключ в замок сундука, где хранился мой скарб.

Сначала он попробовал открыть сундук куском дерева, который поворачивал во все стороны. Усилия его оказались бесплодными и некоторое время он раздумывал, приложив палец ко рту, что всегда было у него признаком размышления. Вдруг глаза его засияли. Схватив связку ключей, висевшую у изголовья моей кровати, он начал пробовать их один за другим, нашел подходящий, поднял крышку и стал шарить в сундуке обеими руками. Я находился в соседней комнате и наблюдал. Услышав, без сомнения, какое-нибудь невольное движение с моей стороны, он поднял голову и с беспокойством прислушался. Успокоенный царившей кругом тишиной, он схватил зеркало, привел в порядок остальные вещи и удалился, оглядываясь и стараясь заглушить шум своих шагов.

Как все дети, он любил общество. Только по вечерам, в сумерки, он охотно уединялся и задумчиво глядел на небо.

Удивительное явление: всякое живое существо, чем оно ближе к животному состоянию, тем сильнее ощущает грусть

при наступлении вечера. Странная меланхолия овладевает как домашними, так и дикими животными. Азуб тоже не избегнул этого закона; как только последние лучи заходящего солнца задевали верхушки холмов, он становился молчаливым и, не делая ни малейшего движения, прислушивался с закрытыми глазами к дыханию ветерка в листве или следил за пролетавшими козодоями, тяжело рассекавшими воздух.

Состояние оцепенения продолжалось до наступления ночи. В остальное же время он избегал одиночества; даже без зова он всюду следовал за мной, как верная тень.

Дождливый сезон подходил к концу и солнце иногда показывалось на прояснившемся небе. Я мог снова приняться за свои энтомологические прогулки.

Азуб почти постоянно сопровождал меня. При отправлении в путь его всегда немного стесняло назойливое любопытство чернокожих, но в лесу он оживлялся. Густые чащи, колючие кустарники были для него привычной дорогой. В особенности любовался я его гибкостью и ловкостью на скалах; самый незначительный выступ давал ему возможность перепрыгнуть пропасть; и вдоль отвесных скал он двигался с такой же уверенностью, как и по ровной земле.

Все пресмыкающиеся внушали ему отвращение. Встреча с обыкновенной ящерицей или с безобидным ужом производила на него глубокое впечатление. Ни разу он не сдвинул с места камня, ни разу не залезал в кустарник, не убедившись предварительно в отсутствии там змеи, саламандры или скорпиона.

Эта осторожность не оставляла его и под моей кровлей. Молодойboa, ища защиты от дождя, забрался в нашу соломенную крышу. Мы не трогали его, так как он нас не стеснял и к тому же уничтожал пауков и ядовитых мокриц. Очень скоро он к нам привык и отзывался даже на имя «Агау» (длинный ремень). Я каждое утро приносил ему чашку молока; змея уже поджидала моего прихода и при виде меня торопливо спускалась по столбу, приветствуя меня тихим свистом.

Вначале Азуб приходил в ужас. При виде змеи он прыгал по комнате или взбирался на столбы веранды. Понемногу, однако, он успокоился и начал поближе рассматривать своего врага. Когда последний страх исчез, он осмелился даже подойти к нему и потрогать его концами пальцев, пока змея пила молоко. Баа доверчиво устремлял на него свои глаза и высывал язык, на котором дрожали капли молока. «Агау», — бормотал Азуб, осторожно проводя рукой по его чешуе.

Да, как ни странно, но Азуб говорил. Был ли у него какой-нибудь язык, когда карлики привели его ко мне? Я склонен думать, что да, так как при разных обстоятельствах, желая выразить голод, гнев или просьбу, он прибегал к различным звукам. Но подобное явление замечено уже у различных животных высшего порядка, особенно у человекообразных обезьян, хотя язык Азуба и был богаче языка гориллы. Сам по себе факт не являлся исключительным, но возбуждала удивление та легкость, с какой он усвоил слова, наиболее часто употреблявшиеся в его присутствии. Через несколько недель он создал себе язык, конечно, далеко не совершенный, но достаточно ясный для того, чтобы заставить понять себя. Гласные в нем преобладали, так как ему было очень трудно произносить согласные; особенно ему не давались буквы «р» и «д». Его оборот речи очень страдал от этого недостатка. Азуб походил на запоздавших в своем развитии детей, гортань которых не повинуется им. Сможет ли он победить это затруднение? Его понятливость давала право надеяться на это. Но неожиданная катастрофа уничтожила эту надежду в несколько часов.

В роковой день мы вышли на рассвете, так как погода обещала быть хорошей. В полдень неожиданная буря прервала нашу прогулку. Мы находились в это время на плоскогорье высотой не менее 3000 метров. На таких высотах воздух всегда холоден, и дождь показался мне прямо ледяным. Спрятавшись под кустом мимозы, единственного растения, способного существовать на такой высоте, мы оба, дрожа от холода, ожидали конца ливня. Но небо темнело все больше и больше. Холодные туманы ползли по земле; и на-

конец море тумана поглотило нас. Надо было бежать как можно скорей из этой нездоровой полосы. Я подал знак и мы под ливнем двинулись обратно. Я шел быстро, одежда прилипала к моему телу. Азуб шел рядом со мной, покачиваясь вправо и влево под порывами ветра. Мы вернулись незадолго до наступления ночи. Я торопливо переоделся и пошел к Азубу. Когда я вошел, он сидел, положив руки на стол. Вокруг его глаз я заметил темные круги, которые меня очень обеспокоили. Я налил ему кофе, который успел простыть, прежде чем он его выпил. А между тем, кофе был его любимым напитком: он пил его, выпивав ковшиком нижнюю губу и наливая туда по несколько капель, которые глотал маленькими глотками, чтобы продлить удовольствие. Но в этот вечер он едва прикоснулся к кофе губами. Когда он поставил чашку на стол, пальцы его слегка дрожали. Чашка едва не упала. Он протянул руку, чтобы поддержать ее. Это слабое усилие, казалось, истощило его силы: рука его устало повисла. Он тяжело дышал. По телу пробегала сильная дрожь. Я поднялся и взял его на руки. Обвив мою шею руками, он позволил унести себя, как ребенка.

Несколько облаток хинина немного успокоили внезапную лихорадку. Уснул он довольно спокойно, но на следующий день приступ повторился, и, несмотря на все мои усилия, я не мог с ним справиться. Лежа на спине, покрытый одеялами до самого носа, Азуб долго боролся с мучившей его болезнью. Утром силы возвращались к нему. Он поднимался даже на некоторое время, старательно оправляя свою постель, встряхивая соломенную подстилку и укладывая поудобнее подушку. Вечером он снова впадал в оцепенение.

Чем быстрее приближался конец, тем больше он выказывал мне свою нежность. Когда я склонялся над его кроватью, он искал мои руки и сжимал в своей или тихонько ласкал ее пальцами. Его жалкий вид трогал меня до слез. На восьмой день он умер, прожив у меня шесть месяцев, умер в тот момент, когда закатилось солнце.

Теперь Азуб покончился в глубине сада. На его могиле я посадил гибискус. Недолговечны цветы этого кустарника: молочно-белые утром, бледно-розовые в полдень, ярко-грана-

товые вечером, они осыпаются с наступлением ночи и один за другим роняют свои пурпурно-фиолетовые лепестки. Азуб так же рано расцвел, как эти цветы, и так же быстро отцвел, как они. Каждый вечер я подхожу к его могиле и, закрыв глаза, вдыхаю аромат этих цветов — смесь бензоя с миндалем. И мне кажется, что, растворенное в этих благоуханиях, вокруг меня реет живое воспоминание об Азубе!

III

ПИГМЕИ

Приближался сентябрь, но Абу-Гурун не показывался.

— Что я тебе говорил? — воскликнул Сироко, многозначительно подымая палец.

Но однажды, после этих слов, глаза его в изумлении расширились. Далеко по дороге появилось движущееся облако, из которого мало-помалу вырисовывались неясные силуэты. Я узнал Абу-Гуруна, его развевающуюся одежду, высокий рост и прихрамывающую походку. Измученный долгой дорогой, он очень заметно волочил ногу.

Абу-Гурун сел рядом со мной и стряхнул пепел с папиросы. Его худые ноги были покрыты пылью, которую он смахнул полой своего бурнуса. Наконец, он заговорил, останавливаясь на каждом слове, чтобы перевести дыхание.

— Да пребывает с тобой Аллах! Вот и я с двумя товарищами. Этого зовут Серур, а того Несиб. Можешь на них расчитывать, как на меня самого.

Сироко искоса бросил на них взгляд. Более высокий — Серур — походил на старого шакала. Нос, подбородок, скулья, ключицы выдавались из-под загорелой кожи, словно вымазанной черной смолой. Желтый тюрбан самоуверенно сидел на голове.

Несиб был меньше ростом, с бегающими глазами и мягким телом. Плохо свернутый тюрбан сползл на затылок. Пока Абу-Гурун говорил, Несиб вытирали себе лицо, держа между ногами толстую палку.

После краткого обмена мнениями, мы решили выступить через неделю.

Бангассу давал в мое распоряжение двенадцать носильщиков. Чтобы не перегружать их сверх меры, я взял с собой только немного белья, несколько коробок консервов и разную мелочь, предназначенную для обмена. К этому я прибавил еще барометр-анероид, термометр, микроскоп и несколько карманных компасов.

Сироко остался дома присматривать за коллекциями.

Понадобилось три дня, чтобы добраться до опушки огромного девственного леса. Мы неожиданно увидели его с вершины холма. Он развернулся перед нашими глазами, — широкий, как море, теряясь в бесконечной дали своими колышущимися косматыми гребнями. Молча, в нерешительности, прислушивались мы к его могучему голосу, долетавшему до нас.

Издали он казался непроходимым. Суеверный ужас оледенил нас. Зачем искушать судьбу и углубляться под своды леса, кишащего хищными зверями?

Абу-Гурун понял, что должен показать пример. Одним прыжком бросился он в чащу и остальные сейчас же последовали за ним. Лес встретил нас приветливо. Пройдя опушку, мы очутились в растительной галерее, колоннами которой были несчетные вековые деревья, поддерживавшие ее свод. Направо и налево открывались подобные же галереи; слышен был только шум листвы. На главных ветвях цвели висячие сады, пронизанные то там, то сям лучистым мечом солнца.

— Право, — сказал я, обращаясь к Абу-Гуруну, — ты наклеветал на девственный лес.

— Терпение! — ответил он мне. — Лес — как публичная женщина, хорошо знает свое ремесло. Когда наступит нужный момент, она потребует своей платы.

Вечер прошел, не принеся разочарований.

Для остановки мы выбрали свежую и светлую лужайку.

Прекрасные деревья с гагатовыми стволами раскинулись далеко, насколько хватал глаз. Бесчисленные птицы собрались сюда со всех сторон, ища ночного пристанища. Они сверкали в листве, как роскошные золотые и бирюзовые плоды.

Первый раз в жизни я слушал симфонию их пения среди такой глупши. Голос одного певца не покрывался голосом другого и ни один диссонанс не нарушал согласного аккорда; вариации малиновки и ритурнели славки сливались с печальным рокотом голубок. Время от времени раздавались, в виде аккомпанемента, отрывистые крики хищных птиц,

медленными кругами спускающихся на отдых.

К концу дня во всех концах леса поднялись какие-то шумы. Слышалась металлическая музыка от трения блестящих листьев, соприкасавшихся друг с другом на вершинах деревьев. Интервалы, как бы под сурдинку, заполнялись другими звуками; с сухим треском падали мертвые листья; то там, то сям раздавалось кваканье лягушек; звенел колокольчик в гортани жабы; жвалы насекомых точили кору; иногда, со свистом пущенного прашей камня, пролетал толстый черный жук с шуршащими крыльями.

Но понемногу все стихло. Лес отдыхал в своем величии и трогательном покое.

Утренняя свежесть разбудила меня. Зачерпнув ладонями воду, нубийцы приступили к омовению. Я протер спившиеся от сна глаза и мы двинулись в путь.

Немедленно начались осложнения. Местность изменилась: мы уже не шли, как накануне, по мягкому шелковистому ковру; скалы всучивали сухой грунт. Вместо высоких деревьев появились низкий молочай и мимоза с роговидными листьями. Колючие пасленовые растения и запущенные песком фисташковые деревья цеплялись когтями за утесы. Ползучие растения вцепились друг в друга и извивались, как змеи. Во всем ярко сказывалась бешеная борьба за существование; захват боролся с упорным сопротивлением.

Шипы и колючки рвали нашу одежду, вонзались в тело и проникали даже сквозь кожу обуви. Не прошло и часа, как наше платье превратилось в лохмотья; колени и руки покрылись кровью. Израненные лезвиями трав, с исцарапанными до крови лицами, с ободранными от падений в ямы ногами, мы принуждены были, наконец, остановиться на полуденный отдых. Как раз вовремя: наши глаза, ослепленные солнцем, уже ничего больше не видели.

В продолжение всей остановки черные, белые и красные муравьи не давали нам ни минуты покоя. Они вытягивали свои головки, снабженные челюстями, и с яростью нападали на нас. Ничто не могло заставить их отпустить добычу; мы вынуждены были встать и начали топтать, гнать

и сжигать их все прибывавшие легионы; но даже кипяток был не в силах с ними справиться: их поток двигался без отдыха и остановки. Волей-неволей пришлось покинуть это место и снова отправиться в путь под огненным солнцем.

Вокруг нас копошились отвратительные насекомые и пресмыкающиеся. Скорпионы прятались под каждым камнем; вдоль скал бегали шелковисто-красные сколопендры; чудовищные пауки с ветки на ветку раскинули свои сети; со стволов и откосов на нас равнодушно смотрели наполовину оцепеневшие вараны и ящерицы, поднимавшие треугольные головки и поводившие мордочками.

В час, когда солнце высоко стояло над нашими головами, один из наших спутников был укушен гадюкой; змея вонзила ему зубы в икру и скрылась в песке, человек остановился в отупении; в скором времени он закачался и присел на землю, готовый безропотно умереть. Остальные чернокожие столпились вокруг него и каждый из них предлагал свое лекарство или заговор. Самый старший, сморщеный, как высохшая слива, с белоснежной растительностью вокруг лица, словно обсыпанного мелким сахаром, набрал сухого валежника, бормоча заклинания, и приказал вскипятить полный котелок воды, в которой плавали потные и засаленные кожаные амулеты; сам же он в это время чертил на песке какие-то непонятные линии, которые затем постепенно стирал концами пальцев. Большой следил за ним потухающими глазами, однако нашел в себе настолько энергии, чтобы схватить котелок обеими руками и жадно выпить его зловонное содержимое; результат получился плачевный: больной не успел осушить весь котелок, как его охватила дрожь, распухший язык наполовину высунулся изо рта, на губах появилась пена и он вытянулся во весь рост.

Эта смерть обескуражила носильщиков; они стали единогласно настаивать на возвращении. Тогда Абу-Гурун придумал выход. Он указал пальцами на овраг, перерезавший местность от одного края горизонта до другого; в течение сотен лет воды прорывали эту ложбину; здесь в дождливый сезон по каменистому руслу катился многоводный поток тонких струек, сплетавшихся меж собой, как пряди во-

лос. Мириады жаждущих влаги бабочек прилетели сюда со всех концов пустоши и усеяли овраг в таком количестве, что его края исчезали под трепетаньем их крыльшек.

— Видите, — сказал Абу-Гурун, защищая рукой глаза от солнца, которое уже склонялось к закату, — ветер нам благоприятствует; бросим горящую головню по ту сторону оврага и огонь расчистит нам путь.

Надо было действовать как можно скорее, потому что ветер, — в данную минуту очень нам нужный, — обыкновенно стихал к концу дня. С факелами в руках мы бросились в овраг, чтобы поджечь траву на противоположном склоне и устроить пожар.

Скоро со свистом взвилось пламя, вытянулось, изогнулось и охватило сухую траву. Целую ночь мы наблюдали за его быстро убегавшей в даль красной лентой, пока она не затерялась, наконец, на горизонте.

Утром перед нашими глазами развернулся незнакомый пейзаж: покрытая пеплом земля казалась совершенно белой; несколько оставшихся еще деревьев протягивали к небу свои голые сухие руки и дополняли эту зимнюю картину.

Путь был свободен, но сожженная почва осипалась под нашими ногами и затрудняла шаги. Ветер поднимал с земли песок и пригоршнями швырял его нам в лицо, чем еще больше увеличивал наши муки. Эта пытка продолжалась до вечера, когда мы, наконец, достигли последних границ пожара.

Его стремительный бег остановила река, глубоко лежавшая между крутыми берегами.

Чернокожие похожи на детей: малейшее препятствие лишает их мужества, но в то же время они быстро забывают перенесенные невзгоды. Сидя в этот вечер вокруг общего котла и насытившись вареными травами и поджаренными корнями, они визжали, свистели, дружески хлопали друг друга по плечу и шумно сморкались пальцами.

А между тем, лес, под приветливой внешностью, скрывал новые западни.

Растительность сгостилаась и сплелась тесной стеной; для

того, чтобы хоть на четвереньках подвигаться по тропам, протоптаным дикими зверями, нам приходилось на каждом шагу прокладывать себе дорогу топором; каучуковые лианы (пастеки), дикие арбузы и колоквintы (горькие тыквы) переплетались между собой у подножья огромных деревьев, стволы которых могучими побегами поднимались до верхней кроны. Там, обвивая их в живописном беспорядке, аристолохия, жимолость, женский волос и орхидеи перекидывались с ветки на ветку, спускаясь до земли на тонкой нити грядзья цветков, похожих на бабочек, застывших в своем полете.

Мы блуждали целую неделю в этом лабиринте, когда, наконец, заметили признаки присутствия пигмеев. Мы пошли наудачу по едва заметной тропинке, и Абу-Гурун указал мне на несколько стеблей бамбука, подрезанных лезвиями ножей и воткнутых в землю среди высокой травы.

— Проклятые животные! — воскликнул он, потрясая кулаком.

С бесконечными предосторожностями, чтобы не задеть этого коварного оружия, мы продолжали наш путь, который привел к темному озеру с неподвижной поверхностью, покрытой ненюфарами. На каждом разветвлении их листьев цвели огромные цветы с розовыми лепестками; аисты и цапли важно расхаживали по этим цветам, и цветы даже не погружались в воду под их поступью.

Деревья, омывавшие свои корни в солнечных водах озера, отличались некоторой особенностью: их стволы, с основания до первых веток, были гладки, как зеркало; казалось, будто кора была отполирована сверху донизу постоянным трением. Скоро это явление разъяснилось. Я блуждал взором по вершинам деревьев и различил между ветвями большие гнезда из сухой травы.

Эти гнезда, насколько позволяла судить закрывавшая их листва, имели коническую форму и были покрыты чем-то вроде крыши. Серур, наблюдавший за направлением моего взгляда, дал мне надлежащее объяснение.

— Это хижины карликов, — сказал он, теребя пальцами усы.

Несмотря на то, что кругом не замечалось ни малейшего движения, мы сочли более благоразумным перенести нашу стоянку подальше и, боясь неожиданности, бодрствовали поочередно до зари.

Ничего подозрительного не было слышно. Но каково же было наше изумление, когда на рассвете мы увидели себя окружеными множеством гримасничавших карликов с горевшими, как уголья, глазами.

Это были, большей частью, тщедушные кривоногие существа с выдающимися челюстями, наподобие звериных морд. Ни одного крика не вырвалось из их раскрытых ртов.

Пораженный Абу-Гурун подумал с минуту, теребя свою бородку. Без сомнения, он решил, что в критические моменты дерзость является лучшим средством и, внезапно выпрямившись, с пустыми руками направился к группе карликов. Его бурнус развевался по ветру и хлопал, как парус, а огромная тень отражалась на земле в виде большой птицы с машищими крыльями.

Во время своих многократных странствований нубиец научился нескольким словам на всех африканских наречиях.

Подойдя к карликам, он обвел глазами все сбираище и начал говорить; речь его была ловко составлена, потому что лица карликов сейчас же прояснились. Сложив кулаки на животе, карлики хохотали во все горло, широко раскрыв рот.

— Ну вот, — сказал нубиец, снова подойдя ко мне, — союз и заключен, но в ответ полагается раздать кое-какие подарки.

С детской радостью карлики разделили между собой пять или шесть дюжин ножей, пятнадцать метров латунной проволоки и не имеющие никакой цены стеклянные безделушки.

Женщины, ожидавшие наверху в листве исхода переговоров, спустились вниз, прыгая с ветки на ветку в сопровождении вереницы крошечек цвета ревеня, горланивших на все голоса.

Я скоро был окружен этой неблаговонной толпой.

Особенно нескромными оказались женщины: они тщательным образом ощупывали мою одежду, запускали руки

в мои волосы и проводили грязными пальцами по моему лицу.

Я раздал им кое-какие лакомства.

Подняв одной рукой верхнюю губу, эти дамы хватали сласти кончиками пальцев, поднимая их до уровня рта, и затем бросали в горло.

Солнце стояло высоко, когда я смог наконец отделаться от приставаний. Несколько карликов предложили себя в проводники и пошли вперед в качестве разведчиков. Остальные следовали за нами, перепрыгивая по обыкновению с ветки на ветку над нашими головами или скользя с ловкостью ужей по верхним сплетеньям. Иногда деревянная стрела с едва уловимым шумом пролетала по воздуху, и к нашим ногам падала бьющаяся крыльями птица.

Еще в течение шести дней странствовали мы с карликами по лабиринту девственного леса.

По мере того, как мы подвигались, ручьи, протекавшие в зеленых туннелях, становились все глубже, все многочисленнее. Для перехода через них нам приходилось пользоваться упавшими деревьями, преграждавшими их течение. Нередко воздушные лианы перебрасывали с одного берега на другой подвижные мостики, и мы вверялись этим шатким гамакам, которым малейшее движение сообщало резкое колебание. Никакого шума, кроме треска клювов белогрудых ворон, сдирающих кору с деревьев, или хриплого голоса шимпанзе, сон которого мы потревожили! Мало-помалу вялые воды распределили свои переплетавшиеся струи по застоявшимся лужам. Черная вода доходила нам до бедер, и, чтобы не быть затянутыми в бездонную грязь, мы вынуждены были цепляться за бесчисленные азалии, благоденствовавшие в грязи.

Внезапно дохнул нам в лицо свежий ветерок. Показались широкие просветы, и мы, наконец, увидели голубое небо. Теперь перед нами тянулись песчаные пространства, где назад и вперед ходили серые колпицы, хохлатые цапли и пурпурные фламинго.

Лесные пигмеи остановились: здесь оканчивались их владения; мы вступили на территорию болотных карликов.

Последних не было видно. Пока наши проводники отправились их искать, мы расположились на песке для ночлега, но бесчисленные жужжавшие вокруг нас москиты не оставляли нас в покое.

Вдруг у наших ушей разразился сигнал, возвещавший атаку, и скоро мы почувствовали острую боль от вонзившихся в наше тело острых жал...

.

Мы с радостью приветствовали солнце, поднимавшееся из-за тростников. ...Вот показались плывущие к нам пироги. Это были так нетерпеливо ожидаемые карлики, которых наши проводники привели с собой. Карлики направились к нам прыгая, как кузнечики в высокой траве.

Усевшись в пироги из древесной коры, мы поплыли с карликами по озеру, заросшему папирусом и тростником. Пироги то и дело превращались в санки и скользили по водяным растениям; густая сеть, образованная их корнями, предохраняла нас от опасности завязнуть в иле. Нам понадобилось два дня, чтобы добраться до твердой земли. Когда наконец горизонт, закрытый до сих пор тростником, развернулся перед нашими глазами, Абу-Гурун указал мне на видневшиеся вдали высокие горы с как бы разорванными вершинами.

— Посмотри туда, — сказал он, — вот перед тобой страна Агуглу.

В эту минуту пирога причалила, и я выпрыгнул на гладкий песок, но далекие горы уже скрылись за каким-то выступом. Передо мной был только песок, усеянный розовыми фламинго; они выстроились в пять или шесть рядов, повернув клювы на север, откуда дул легкий ветерок.

IV

НЕВИДИМКИ

Редко путешественник не обманывается в своих ожиданиях, увидев впервые места, которые он рисовал себе в воображении. Но на этот раз действительность превзошла все, что я мог себе представить.

Проснувшись, я захотел познакомиться с горным кряжем, закрывшим горизонт, и сейчас же вскарабкался в сопровождении Абу-Гуруна на нижние уступы горы, состоявшей из наслоений красноватого песчаника. Перед нами, как на ладони, открывалась прерывающаяся горная цепь с ущельями и скалами. Пейзаж был весьма красноречив; местность, очевидно, была совершенно дикая.

Вершины гор имели цвет пережженного кирпича; можно было подумать, что подземный огонь, которому они были обязаны своим происхождением, продолжал их накаливать. Но склоны были испещрены серыми пятнами с вкрапленной в них желтой охрой или перемешаны с красной глиной.

Картина свидетельствовала о величии явлений, совершившихся некогда в этой уединенной местности.

Я был очарован до глубины души. Абу-Гурун, внезапно прервавший мои размышления, заставил меня вздрогнуть.

— За этими горами, — сказал он, устремив на меня свои пронизывающие глаза, — находятся великие озера и бассейн Нила. Золото и слоновая кость чрезвычайно дороги в этих странах, из которых уже с давних пор вывозили ценную добычу. Но склоны гор, на которых мы сейчас стоим, еще не исследованы. Ты первый после меня пройдешь по ним.

Но я одним словом вернул Абу-Гуруна к интересующему меня вопросу:

— Все это для меня совершенно не важно! — сказал я ему. — Я пришел сюда ради Агутглу. Где они?

— Ты их увидишь, — ответил нубиец. — Да поможет нам Бог, когда этот час наступит!..

Его взгляд встретился с моим, и в глазах нубийца я прочел отблеск беспокойства.

Каково было прошлое этого человека? Что делал он в этих горах? Каких опасностей избегнул? Сколько я ни спрашивал его об этом таинственном периоде его жизни, он не раскрывал рта; если я продолжал настаивать, он переводил разговор на другое и я видел, как кровь начинала у него сильнее биться в жилах на висках. Кому известна его смелость и количество приключений, тот поймет, что, вероятно, он пережил исключительные опасности, если сохранил о них такое яркое воспоминание.

Мы молча присоединились к остальным товарищам. Абу-Гурун с озабоченным видом свертывал пальцами свою вечную папируску.

Он созвал рассыпавшихся по кустарникам носильщиков, и мы гуськом двинулись вперед.

Наш отряд поднимался медленно; напрягая руки и тонкие ноги, негры карабкались по неровному песчанику, как черные муравьи, нагруженные слишком тяжелой ношей.

По мере того, как мы подвигались, безжалостные горы нагромождали перед нами все новые и новые преграды. Наконец, совершенно измучившись, мы выбрались из ущелья и очутились перед плоскогорьем, покрытым ракитичным кустарником; его оживляли только немногочисленные пучки болотника. Редкие птицы, перелетавшие с камня на камень, имели такой же печальный и несчастный вид, как и сама природа.

Прошло много часов, пока мы добрались до конца плоскогорья. Чернокожие пели хором, чтобы забыть свою усталость. Порой кто-нибудь из них останавливался, срывал сочное растение и покусывал его, чтобы освежить рот.

В конце плоскогорья скала обрывалась широкой трещиной.

Вдали на небе резкими контурами вырисовывались сузие и суровые вершины, с которыхсыпались все песчаные слои.

Смотря на гребни, изрезанные в виде зубцов и башенок, я вспомнил рассказ Абу-Гуруна о сказочных дворцах и

городах; и в самом деле, под отблеском заходящего солнца зазубренные острые вершины, как бы вырезанные резцом, создавали до обманчивости полное впечатление развалин разрушенного города. Их острия, впиваясь в розовое небо, как бы возвышались над обрушившимися стенами, развалившимися лачугами, сломанными портиками и опрокинутыми оградами — следами какого-то страшного бедствия.

Итак, я почти у цели: еще несколько часов и я буду там... Всю ночь возбуждение не давало мне заснуть.

Мы зажгли костры, чтобы отогнать диких зверей. Время от времени я вставал и подбрасывал сучья. Иногда в кустарниках слышался вой гиены или эхо повторяло рыканье льва, преследующего в овраге свою добычу.

Мне часто приходилось слышать этот голос, раздававшийся в тишине африканских ночей, но в данный вечер, когда расшатавшиеся нервы лишили меня должной энергии, я не был в силах слышать его без содрогания.

Неожиданная находка, сделанная мной после полудня, дала мне, наконец, возможность преодолеть этот упадок духа.

Узкий проход, пробитый в горном склоне, привел нас к широкой площадке, покрытой, как ковром, низкой и жесткой растительностью. В нескольких местах торчали над землей острые камни, как кости плохо зарытого скелета.

Их вид поразил меня; приглядевшись внимательно, я уловил в расположении камней известную симметрию. Они были разложены то правильными треугольниками, то кругами, то прямыми линиями в определенном порядке.

В этом расположении проявлялась грубая, но очевидная гармония.

— Разве ты пришел сюда за камнями? — спросил Абу-Гурун, наблюдавший за моими исследованиями.

— Какое тебя дело? Позови нубийцев и прикажи им копать здесь, под этими камнями.

Я указал ему на странную кучку монолитов, нагроможденных на одном из концов площадки.

— Ты с ума сошел! — запротестовал Абу-Гурун. — Мы только напрасно потеряем время, поднимая эти глыбы.

— Делай то, что тебе говорят! Я хочу знать, что находится под ними.

Черные принялись за работу. Пока они работали, я сидел в отдалении и, опустив голову на руки, раздумывал.

Был ли это надгробный памятник? Или грудка камней, наваленная в память какого-нибудь важного события?

Мною завладели воспоминания о прочитанном. Все древние описания говорят о памятниках этого рода; их следы находятся в Британии, Перу, Австралии и даже в глубине ледяных пустынь, населенных самоедами. Обычаи сохраняются; история — это вечное повторение.

Раскопки, однако, не дали никакого результата и я уже готовился приняться за исследования в другом месте, как вдруг с последним ударом заступа показался человеческий скелет. Запыхавшиеся негры бросили кирки и мотыги и улеглись под кустами.

Я остался один под палящим солнцем и, мучимый любопытством, отделял один за другим куски земли, прилипшие к костям.

Труп находился в сидячем положении, с согнутыми коленями и наклоненной головой. Он принадлежал взрослому и был хорошо развит, выше среднего роста, с продолговатым черепом, выдающимися скулами и низким лбом. Лицо было широкое, большое, с глубокими впадинами глаз. Построение ребер указывало на исключительно могучее развитие грудной клетки.

Несколько слов, вполголоса произнесенных позади меня, прервали мой осмотр. Приложив палец к губам, меня тихонько звал Серур. Я пошел за ним, заглушая шум своих шагов. Дойдя до конца площадки, он лег на живот и сделал мне знак последовать его примеру; толстые растения, впустившие свои корни в расщелины скал, скрывали нас от чьих бы то ни было взглядов.

Абу-Гурун находился там; он едва повернул голову при нашем появлении: склонившись над бездной, открывавшейся перед нами, он, казалось, был поглощен созерцанием зрелица, от которого не мог оторвать глаз. Встав на колени, я тоже наклонился над краем площадки.

Длинная расщелина делила гору надвое. Разрез был глубокий, почти вертикальный; вниз катился поток, шум которого едва долетал до нас. На другой стороне крутой откос образовал несколько уступов, загроможденных каменными глыбами, оторвавшимися от общей массы и задерживавшимися в своем падении. Медленное разложение горной породы, остатки мхов и лишаев, пыль, наносимая ветром, с течением времени сплошь заполнили трещины тощим черноземом, на котором принялись молочайники и кактусы. Их серые стебли с бурыми пятнами вытягивались, как уродливые руки. Мой взгляд, тщетно бродивший в глубине пропасти, постепенно поднимался вдоль этих уступов. И тогда я понял, на что Серур и Абу-Гурун глядели с таким любопытством, смешанным с ужасом.

На маленькой площадке, по другую сторону пропасти, ниже нас, между камнями сидели на корточках существа с собачьими мордами, покрытые шерстью.

Цвет их шерсти настолько сливался с цветом скал, что с первого взгляда я не был в состоянии их различить.

Повернувшись лицом к западу, где заходило уже солнце, они сидели неподвижно и молча. Но когда солнце скользнуло за горизонт, длительный вопль потряс их груди и сорвался с губ. Это был ужасающий концерт рыданий и продолжительных завываний. Этот унылый и яростный вопль, в котором отчаяние смешивалось с гневом, катился по всему ущелью и повторялся бесчисленным эхом; иногда печальный и заглушенный, как отдаленный шум, он внезапно доходил до самых высоких тонов. Никогда ни один другой крик не производил на меня такого сильного впечатления, как эти раздирающие душу вопли, поразившие в первый раз мой слух.

Не я один переживал подобное волнение. Глаза Серура, лежавшего рядом со мной, лихорадочно вздрагивали; Абу-Гурун побелел, как будто вся кровь его, капля по капле, отлила к сердцу. Но едва только солнце скрылось за вершинами, в один миг все смолкло, как в оркестре, мгновенно перестающем играть по властному взмаху дирижерской палочки.

Через расщелины сверкали еще несколько запоздалых солнечных лучей. Стоя на ногах, раскачиваясь всем туловищем и оттопырив руки, Агутлу смотрели, как лучи солнца желтели... бледнели... потухали. И когда погас последний луч, они с беспокойством закачались во все стороны, как бы движимые одной общей пружиной; их было там около тридцати особей, все взрослые с длинными рыжими гривами, обрамлявшими их лица. Они исследовали малейшие складки земли и нюхали воздух по всем направлениям. Но ветер дул на нас и они не могли нас почуять.

Задерживая дыхание, я не терял из виду ни одного их движения. Они бродили вдоль и поперек уступа группами по пяти или шести, согнув немного ноги и опустив длинные, доходившие до колен руки, видимо стеснявшие их: эта неловкая походка придавала им вид изувеченных людей.

Сборище в сумерки начало рассеиваться. Одни спускались по отвесному откосу к нижним площадкам, другие поднимались до края карниза, карабкаясь по скользким склонам. Иногда они останавливались, прислушиваясь; и при виде того, как они цеплялись за камни, невольно рождался вопрос, какое чудо равновесия удерживало их в таком положении? Когда ночь засияла звездами, они исчезли за неровностями скал.

Это была первая из пережитых нами ночей ужаса и уныния.

Полная луна освещала нашу стоянку и мы не зажигали огней. Не было слышно никакого подозрительного шума.

Один из нубийцев, Несиб, встал и отошел в сторону. Мы видели, как он исчез в кустарнике.

Мы не слышали ни шума борьбы, ни тревожного крика, словом, ничего, что могло бы вызвать тревогу, но минуты шли, а Несиб не возвращался.

Я сидел рядом с Абу-Гуруном; его тосклиwyй взгляд встретился с моим. Под усами, выцветшими от табака, губы его задрожали, как будто он хотел что-то сказать, но ни одного слова не вылетело из его горла и он, согнувшись вдвое, опустился среди носильщиков и уткнул нос в колени.

Луна скользнула по нубийцу, опускаясь за вершины; я

велел зажечь факелы, и черные рассыпались по окрестности, чтобы набрать топливо.

Когда они вернулись, нагруженные сучьями, Абу-Гурун поднял бледное лицо и пересчитал их: двоих не хватало.

Острое беспокойство овладело мной.

— Вставайте же, — крикнул я, — надо обыскать окрестности. Несиб и чернокожие, несомненно, заблудились. Мы найдем их в чаще!

Я вскочил на ноги, не зная, что предпринять, проникнутый уже смутным предчувствием, пронизавшим все мое существо.

— Зачем бежать навстречу смерти? — спросил тихо Абу-Гурун; он съежился, опустил бороду на руки и всем своим видом выражал полное убеждение в бесцельности всяких мероприятий.

Как все мусульмане, он быстро склонялся перед судьбой: «Так предопределено!». Тем не менее, он быстро поднялся и последовал за нами, стараясь соразмерить свой неровный шаг с моим. Позади меня под его ногами шуршали сухие листья. Я скоро освоился с этим шумом, сопровождавшим каждый мой шаг.

Судите же о моем ужасе, когда я перестал его слышать!

— Ты здесь? — спросил я, оборачиваясь и упорно взглядываясь в темноту.

Я снова заговорил с возраставшей тревогой:

— Абу-Гурун, отвечай, где ты?

Я возвысил голос; прибежали черные в сопровождении последнего нубийца. Их призывы присоединились к моим; но мы уже знали, что они были напрасны.

Началась паника. Тесной группой, прижавшись локтями друг к другу, вернулись мы на стоянку.

Рассвет застал нас у костров застывшими от лихорадки и бессонницы.

— Я думаю, — сказал мне Серур, — что ты откажешься идти дальше. Что касается нас, то мы все твердо решили бежать от предательской смерти, которая похищает нас здесь без всякого предупреждения.

Что мог я ответить? Мы остались без руководителя. Луч-

ше было подчиниться обстоятельствам и возобновить попытку позже, при более благоприятных условиях. Я дал сигнал к возвращению.

Но многих из нас пугала мысль о необходимости пробираться через заросли, где наши несчастные товарищи исчезли таким необъяснимым образом. Я предчувствовал момент, когда наш упавший духом отряд распадется.

— Остановимся здесь, — вскричал Серур, — зачем напрасно истощать силы!

Он заставил вернуться к отряду некоторых окончательно обезумевших от страха чернокожих. Усы его грозно топорщились. Он покрутил их резким жестом, после чего схватил за волосы одного из чернокожих и повернул его на пятках.

— Дурак! Что делают буйволы, когда им угрожают львы?

Чернокожий поднял на него свои тупые глаза.

— Когда буйволы, — начал Серур, — чувствуют за собой погоню львов, они собираются вместе, а не разделяются. Наиболее сильные образуют цепь и окружают слабых. Выставив вперед рога, опираясь на передние ноги, они останавливаются неподвижно, чтобы грудью встретить врага. И не было случая, чтобы львы прорвали цепь. Но пусть только один из буйволов отделятся, и лев тотчас же вспрыгнет ему на спину и задушит его.

Резким ударом кулака по затылку Серур выбросил чернокожего из группы.

— Убирайся один, глупец!

Негр вернулся, опустив голову.

Накануне я заметил, что плоскогорье имело с левой стороны выход. Воды проложили крутую тропинку, которая ползла вдоль уступов, потом внезапно падала вниз, как бы увлеченная в пропасть. Я предложил эту дорогу, и мое предложение было принято без возражений.

Я шел во главе отряда, Серур замыкал шествие. Открытая местность не была удобна для засады, и мы вышли к долине, не испытав ни малейшего злоключения.

Здесь пенистой лентой протекала река. Красивые ласточки с пепельной спинкой пролетали над водой, задевая ее клювом и концами своих крыльев.

Этот очаровательный вид, казалось, был создан нарочно для того, чтобы успокоить кашу тревогу. Но вечером темни становятся непроницаемее и мы ясно поняли, какие западни он нам расставил. Особенно удобными для засады были прибрежные кусты: шаг замедлился, в то время как глаза зорко всматривались в темноту, где малейший шорох казался подозрительным.

Серур бормотал молитвы; черные усиленно целовали свои амулеты. Какую подозрительность, доходящую до бреда, порождает страх! Можно подумать, что какой-то насмешливый бог издевается над вами. Ствол дерева, оторвавшийся камень, шелестящий лист, — всех этих ничтожных средств ему совершенно достаточно, чтобы привести в трепет сердца даже наименее трусливых. И в ту минуту, когда вы начинаете смеяться над страхами, посевянными им на вашем пути, его рука снова опускается и хватает вас за горло.

Мы шли, уже несколько освоившись с ночными страхами, как вдруг Серур, замыкавший цепь, исчез на одном из поворотов дороги.

Раздался хриплый крик... захрустел песок... сомкнулись кусты... впрочем, во всем этом я отдавал себе смутный отчет. Я остановился на середине тропинки, не будучи в состоянии произнести ни слова; вдруг окутавшую нас темноту прорезал второй крик, но уже гораздо слабее и отдаленнее. Это был такой душераздирающий крик отчаяния и тоски, что сердце во мне защемило, словно тисками. Обезумевшие черные бросили на землю свои тюки и, как испуганные птицы, шарахнулись во все стороны.

Последовать за ними? к чему? Какую поддержку могли мне оказать эти малодушные существа, покинувшие меня при первой тревоге?

Допустим даже, что мне удалось бы собрать их и сделать им надлежащее внушение, — все равно! Как существовали бы мы среди этих неведомых долин, без пищи, почти без оружия, отданные на жертву каждой случайности, с вечным страхом попасть или в ловушку, или в разбойничье гнездо, в постоянной борьбе с голодом, лихорадкой, истощением и притом, ни на одну минуту не переставая чувствовать, что

над нашими головами реет таинственная опасность, о которой никто из нас не осмеливается заговорить громко, и которая рано или поздно, когда настанет срок, поочередно подстережет каждого из нас на пути? Лучше покончить с этим сейчас же и быстрой смертью положить конец всем этим тревогам.

Козодой, задевший крылом мой лоб, заставил меня вздрогнуть. Ночь спускалась над оврагом, но несколько светлых обликов ползли еще по откосам. Не ошибаюсь ли я? На конце скалы, наполовину погрузившейся в тьму, неясно вырисовывается черный силуэт.

Не смерть ли это, дарующая забвение?

Я со стоном протянул к ней руки.

Но как раз в это время в расщелине показалась луна. Ее бледный свет, скользнув по склонам, осветил скалу. И я увидел уродливое существо, бесшумно двигавшееся ко мне, раскачиваясь на ногах. Зеленые глаза его светились в темноте. Очутившись близ меня, это существо вздуло грудь, и я почувствовал на себе его хриплое дыхание.

Страшная усталость внезапно овладела мною, когда страшное существо, закрыв глаза, раскрыло руки, я упал в его объятия, как ребенок.

И это существо понесло меня.

Его левая рука обвивалась вокруг моего тела и поддерживала его над землей. Мои обессиленные ноги болтались в воздухе: для его крепких мускулов я весил не более птички.

Движения его были так размеренны, что не чувствовалось ни одного толчка.

Я отдался неизъяснимому наслаждению, охватывающему нас, когда во сне мы проносимся в эфире высоко над мирами.

Я открыл глаза и увидел, что несший меня взбирался по отвесным скалам. Все его движения были уверены, мягки и ритмичны, как ход машины. Мы поднимались все выше и выше.

А подо мной все бездонней раскрывалась глубокая пропасть. Голос потока едва долетел до меня, и освещенные

лунным светом большие деревья в долине казались мне ничтожными кустами. Мы уже добрались до вершины, когда мой взгляд, устремленный прямо в глубину пропасти, был поражен открывшимся видом.

Голова моя закружилась, и я сделал невольное движение назад. Агуглу, без сомнения, подумал, что я хочу вырваться, и крепко сжал свои объятия; я почувствовал, как его ногти впились в мое тело.

Я потерял представление о действительности и погрузился в обморок, похожий на смерть.

V

ЖИЛЬЕ

Когда я пришел в сознание, мрак окружал меня со всех сторон. По ощущению пронизывавшей меня сырости, я быстро сообразил, что находился в глубине пещеры. Машинно протянул я руку, и мои пальцы скользнули по мокрым стенам, вдоль которых я и пополз на коленях.

Вскоре мои глаза привыкли к темноте; хотя глубь пещеры была погружена во мрак, но некоторые подробности стали неясно вырисовываться то там, то сям. Налево от меня бледный свет озарял темный пол, на котором кое-где блестели небольшие светлые лужи. Одна из них слабо отсвечивала, как будто освещенная каким-то неизвестным светом.

Без сомнения, выхода надо было искать с этой стороны и я ощупью направился туда. Вдруг за углом узкого, как воронка, прохода мои глаза уловили умирающий луч света. Он скользил между стеной и базальтовой глыбой, закрывавшей выход.

Рискуя перебудоражить всех, я поспешил к вновь обретенному свету. Брешь, около которой я очутился, оказалась низкой и очень узкой; мне пришлось присесть на корточки, чтобы прильнуть к ней глазами.

Отверстие не выходило непосредственно наружу, но соединяло галерею, служившую мне тюрьмой, с большим, хорошо освещенным помещением, куда солнце проникало через большую дыру, открытую в конце грота.

Дальше, за пещерой, угадывалось ясное небо и безграничный простор. До меня долетал запах нагретых трав и мускусных цветов; у порога я видел тень кустов, расстилавшихся по камням, с трепещущими от ветра листьями.

В данную минуту жилище казалось пустым, но некоторым признакам можно было заключить, что оно было обитаемо разумными существами. Вдоль стен лежали постели из сухих листьев и плетеных тростников, а в стенных нишах, выбитых на некоторой высоте от пола, были заботливо рас-

положены миски из древесной коры, перламутровые раковины и кремневое охотничье оружие.

Внезапно луч солнца осветил угол, погруженный до сих пор во мрак. Я различил две неясные фигуры, лежавшие, обнявшись, на куче веток. Без сомнения, какое-нибудь движение с моей стороны испугало их, потому что я увидел поднявшийся кулак, насторожившиеся волосатые уши и маленькие кривые ноги, приготовившиеся к прыжке. В то же время два глаза приоткрылись и бросили в мою сторону беспокойный взгляд, в котором горели зеленые огоньки. Но вскоре глаза потухли и голова склонилась с глухим зевком. Передо мною снова были только два слабых тельца, нежно прижавшиеся одно к другому, чтобы согреться во сне, чутком, как сон всегда настороженных лесных зверей. Легкая дрожь иногда пробегала по их телу, иногда же, без видимой причины, раздавалось тихое ворчание. Их, вероятно, встревожил какой-то шум, которого не улавливал мой слух, так как одним прыжком они оба вскочили на ноги и направились к выходу. Снаружи доносился треск сухих листьев и раздавались знакомые им шаги. Оба в один голос испустили короткий крик, в котором чувствовалась радость, нетерпение и желание.

Озаренные светом, придававшим теплые тона их рыжей шерсти, они до странности походили на моего маленького друга Азуба. Тот же деловитый вид, те же гибкие и резвые движения.

Когда их мать показалась в отверстии пещеры, оба с красивым движением нежности бросились к ней в объятия. Она тихонько отстранила их и поставила на пол сосуд из древесной коры, сквозь которую местами просачивалась светлая, чистая вода.

Уцепившись за шерсть матери, малютки старались дотянуться до ее губ. Она, смеясь, нагнулась и старшему удалось взобраться к ней на плечи; другой в припадке ревности начал испускать пронзительные крики. Чтоб его успокоить, она присела на землю и дала ему грудь. Он сразу же замолчал и группа неподвижно замерла. Время от времени тонкие пальцы ребенка сжимали грудь, выдавливая молоко, а

мать, в виде возмездия, любовно давала несколько шлепков маленькому лакомке.

Между тем, наступал вечер и, так как грот выходил на запад, косые лучи, проникнув сюда золотой пылью, озарили появившегося в них самца. Солнце освещало его сзади и играло бесчисленными переливами по его телу; конец каждого волоска его рыжей шерсти горел искрой. Агония солнца прекращалась; сумерки заволокли помещение; передо мной находилась только мать, кормящая грудью своего ребенка, который сосал, втягивая щеки, и мужчина, склонившийся к ней для объятия.

Мужчина? Уместно ли здесь это слово? Волосатая кожа, подвижные уши, как у животных, — все эти характерные признаки не давали права появившемуся существу называться человеком.

Тем не менее, по некоторым признакам я узнал себе подобного. Только человек может иметь такие разумные глаза, такой характерный подбородок, выражавший волю, и лоб, в котором уже жила мысль. И каким нежным, красивым движением прижал он к щеке лицо своей подруги, которая, закрыв глаза, отдавалась его ласкам.

Отогнав всякий страх, я хотел уже заявить О своем существовании, как вдруг в пещеру вошли два новых существа. При звуке их шагов, группа разъединилась; женщина, забившись в угол, приняла покорный и униженный вид.

Я тотчас же узнал одного из вошедших самцов. Ошибиться было невозможно: мускулистые руки, оканчивающиеся квадратной кистью со страшно развитым большим пальцем, подвижная нижняя губа, бурая шерсть, запачканная пылью и грязью и образующая вокруг щек короткую взъерошенную гриву, наконец уши, из которых одно было наполовину лишено шерсти и обведено раком, указывали мне на то, что передо мной стоял мой похититель. Он обладал быстрым живым взглядом и шел твердым шагом, с высоко поднятой головой. Вся осанка, полная своеобразного и дикого достоинства, обличала в нем хозяина и главу.

Ничто не смягчало непривлекательной наружности другого. Это было плотное и коренастое существо с отврати-

тельной физиономией и полураскрытым ртом, обнажавшим челюсть с выбитыми глазными зубами. Левый глаз его вытек и веко мигало над пустой впадиной. Широкие руки оканчивались загнутыми, как у животного, когтями.

Сморщив лицо, он бросил на землю улов рыбы, нанизанной на тростник.

Малютки, как голодные шакалы, собирались броситься на эту добычу. Он сердито отогнал их, то надувая, то втягивая щеки, как зоб жабы. Рыбы трепетали на полу и бились хвостами. Но глава семьи схватил их обеими руками и умертвил, перекусив каждую около жабр. Затем он стал раскладывать их в маленькие кучки: одну для себя, две для товарищей и одну для женщины с детьми. Все тотчас же принялись за еду, раздирая рыбу с головы и поглощая без разбора плавники и внутренности. Мало-помалу в пещере наступила ночь и все потонуло в темноте. Я покинул свой наблюдательный пост и пошел в боковую галерею искать ощущение удобное для сна места.

Неожиданный шум заставил меня повернуть голову: кто-то отодвинул камень, загораживающий отверстие, и бросил туда какие-то предметы, упавшие с глухим шумом. Из любопытства я вернулся назад и, поискав с минуту, нашел на том месте, которое только что занимал, коренья и немного плодов. Лихорадка моя прошла и я теперь почти с жадностью набросился на пищу. Никогда не казались мне столь восхитительными плоды дерева «nette», сладкая мякоть которых напоминает вкусом сливки.

Утолив голод, я спокойно уснул.

Мой сон продолжался долго, так как бледный свет пробивался уже в конце галереи, когда я внезапно проснулся.

Был ли это кошмар?

У меня создалось отчетливое впечатление, что вокруг меня бродит какое-то таинственное существо. Мои глаза тщетно всматривались в темноту, — я ничего не мог различить. Вдруг налево ясно послышался шум, точно в норе что-то грызла крыса. Я осторожно вытянул руку. Рука моя коснулась теплой и мягкой шерсти, и я тотчас же отдернул ее, но не-

достаточно быстро для того, чтобы избежать острых коготков, вонзившихся в кожу.

В то же время я увидел, как нечто рыжее бросилось к выходу, уже освещенному дневным светом, и исчезло за камнем.

Легко было догадаться, в чем дело: один из маленьких Агуглу ел во время моего сна предназначенные мне плоды. Таким образом, случайность создала положение, из которого надо было извлечь пользу.

Сделав вид, что мной овладел крепкий сон, я молча притялся. Скоро ребенок вернулся, привлеченный лакомствами; тот же шум, о котором я говорил выше, выдал мне его присутствие, но на этот раз я постарался не испугать лакомку. Зная, что он пуглив, как мышь, я одним движением быстро отрезал ему рукой отступление и прежде, чем он успел закричать, уже крепко держал его в руках; он был очень озабочен.

Помните ли вы птичек, которых в детстве ловили зимой в тенета? Они дрожали у вас в руках, устремив на вас полные беспокойства глаза. Мой пленник был похож на этих птичек. Его взгляд не отрывался от моего и в нем я читал бесконечную тоску; но он не делал ни малейшей попытки спастись; я только чувствовал сквозь ткань моего платья сильное биение его сердца.

Маленькие дикие нередко приручаются. Достаточно было нескольких ласк, чтобы успокоить моего пленника. Его судорожно сжатые пальцы держали еще плод, который он грыз, когда я его поймал; и теперь, когда моя рука начала ласкать его, он поднес его снова ко рту и вылизал все сливки, а потом, насытившись, беззаботно заснул на моем плече.

Вдруг жалобные крики донеслись до моих ушей.

Старший брат был слишком толст и не мог пролезть в мою тюрьму: он выл перед камнем, служившим ему преградой, и царапал его когтями. Поднялась тревога и послышался сильный шум. Крепкая рука отодвинула камень, закрывавший вход, и оттуда брызнул яркий свет, осветивший меня.

— Внимание, — сказал я себе, — наступил момент решительных действий.

Стоя в конце извилистого прохода, Агуглу с беспокойством всматривался в пещеру. Я узнал того, чей добродушный вид так поразил меня.

Сзади него, ломая руки, рыдала женщина.

При этом шуме спавший ребенок проснулся: одной рукой обвил он мою шею, а другую, улыбаясь, протягивал к матери. Эта последняя с тревогой посмотрела на меня. Но я подошел к ней и с самым миролюбивым видом положил ребенка ей на руки. Она быстро схватила его, прижала к сердцу, и, склонив голову, растерянно смотрела на него с бесконечной нежностью.

Я прошел мимо нее, но она и не подумала остановить меня. Первая моя цель была достигнута: я находился в главной пещере. Вопрос теперь заключался только в том, как в ней остаться. Мне хотелось этого не потому, что пребывание в ней было очень приятно. Наоборот, подстилки, разосланные прямо на земле, кишили насекомыми. Там валялись гниющие клубки растений, рыбы кости и наполовину обглоданные скелеты животных. Воздух был тяжел и тошнотворен.

Как и накануне, когда сумерки стутились, собрались обитатели жилища. Осведомленные о дневном происшествии, самцы стали совещаться. Они выражались односложными звуками, короткими и отрывистыми. Кривой, с разбитой челюстью, неуклюже жестикулируя, настаивал, чтобы меня перевели обратно в мою тюрьму. Но самый высокий увиливал; белки его глаз вращались под бровями, выражая нерешительность. К счастью, мое дело было в хороших руках, так как третий с жаром защищал меня. И глава семьи выскзался, наконец, в благоприятном для меня смысле.

Чтобы закрепить свое решение, он указал предназначенному мне в углу подстилку. Затем поставил передо мной глубокую миску, в которой находился ужин. Чашка была наполнена до краев личинками крылатых муравьев. Поджаренные в масле, эти личинки составляют лакомое блюдо чернокожих, но мне они были поданы живыми и копошились

в чашке; в таком виде они внушали только отвращение. Я оттолкнул чашку, которую дети схватили с жадностью.

Это было моя вторая ночь со временем моего пленя. Я больше не чувствовал усталости, ум был ясен и мысли работали усиленно.

В общем, они были довольно неутешительны. Я раздумывал, прислушиваясь к неясному шуму во мраке. Ветер свистел в отверстие пещеры, иногда самец, зевая, поворачивался во сне с боку на бок или ребенок, припав губами к груди матери, сосал молоко с глухим причмокиванием.

Заря принесла мне неожиданную радость. Полагая, что мне запрещено покидать пещеру, я не без тревоги стал осторожно пробираться к выходу. Однако Агуглу не сделали ни малейшей попытки задержать меня, хотя прекрасно видели, что я уже прошел узкое пространство, ведущее к выходному отверстию. Только кривой самец слегка повернулся в мою сторону свою звериную голову.

Площадка, на которой я очутился, выдавалась вперед наподобие мыса. Это было нечто вроде широкого балкона, примыкавшего к остроконечной скале, препятствовавшей всякому доступу к нему. Прилепившись сбоку к отрогу, он висел над неизмеримой пропастью. И лишь с правой стороны несколько узких выступов образовали лестницу, по которой можно было добраться до верхнего карниза. Я не рисковал бы подняться по ней, так как, наверное, почувствовал бы головокружение и сорвался бы в бездну.

Мой взгляд потонул в далях, дрожавших от зноя. Прозрачный воздух позволял различать малейшие подробности. Озаренные ярким светом вершины тянулись к небу резкими и энергичными очертаниями, а сгущавшиеся в глубоких расселинах тени трепетали, как синеватые, редкие капли воды.

Чудное зрелище! Оно навсегда запечатлелось в моей памяти!

А внизу виднелись маленькие озера, окаймленные каменными кружевами и сверкающие на солнце. Каждое озеро служило колыбелью ручьям, скованные волны которых покрывались пеной; их глухой рев доносился до высот, как за-

глушенная жалоба. Большие орлы-рыболовы с неподвижными крыльями парили над ними.

С тех пор я проводил все время на этой площадке, куда приходил, ища в тени защиты от слишком яркого света. Дети играли в пыли около меня, а мать, окруженная роем мух, лежала на земле и наблюдала за ними полузакрытыми глазами. Вечером, когда жара спадала, она, зевая, потягивалась и уходила, скользя по отвесным скалам и цепляясь пальцами за растения и выступы. В этот короткий час все склоны гор оживлялись их обитателями. На самых незначительных уступах, усеянных углублениями и пещерами, ютились целые поселения, о существовании которых нельзя было даже подозревать.

Пока самцы оплакивали на горах агонию солнца, деловитые самки направлялись гуськом вдоль площадок и каменных зубцов к ручьям и водоемам, с шумом, напоминавшим жужжанье пчел. Они возвращались молча, стараясь не накренять наполненных сосудов, из которых сочилась вода.

По всему сказанному можно судить, что жизнь моя протекала среди мелких происшествий и была лишена крупных событий. Перемещение подвижных теней, насекомое на стене, маленькое разорванное облако на горизонте, плывшее по воле ветра — вот все, что заполняло мою жизнь.

Сколько очаровательных часов пережил я на этой площадке, изучая птиц! Наиболее частым гостем был воробей блеклого оперения, порхавший, как живой цветок. Он взбирался по склонам скал маленькими прыжками, сопровождая их взмахами крыльев; выпрямившись и дерзко закинув голову, он прыгал по камням, распустив веером свой хвост, или перелетал со скалы на скалу, как большая бабочка из серого бархата. Другая гостья была постольку же похожа на мышь, поскольку и на птицу. Она семенила мелкими шагами, проскальзывала в кусты и ее нежный голосок, дрожа, звенел, как колокольчик.

И еще многое другое давало пищу моему любопытству. Возраставшая приязнь с каждым днем сближала меня со странными существами, окружавшими меня. Понемногу я уловил несколько слов их языка, я даже знал их имена.

Женщину звали Сао. Имя главы клана было Мур, имя кривого — Нау; третьего же звали Фои.

Последний чаще других сидел дома. Мур и Нау почти никогда не возвращались раньше наступления ночи, отягченные дичью и медом. Фои, наоборот, отлучался очень редко и всегда по каким-то таинственным делам. Большую часть времени он проводил в одиночестве на площадке и занимался там всякими замысловатыми работами. Он изготавливал на весь клан оружие, сосуды и домашнюю утварь всякого рода. Его опытные пальцы придавали ту или иную форму кости, кремню, слоновой кости; из обломка обсидиана он умел изготовить нож; иногда он забавлялся тем, что вытачивал тяжелые дубины и украшал их рисунками, —ромбами и штрихами. Словом, Фои был ремесленником клана.

Меня сближало с ним сходство вкусов. Сидя рядом, мы молча наслаждались видом безграничной природы. Его взгляд, подобно моему, любил следить за игрой света и тени на горах. Я любовался его вдумчивыми глазами, полными жизни и ума, в которых читалось напряжение темной души, пытающейся мыслить.

Сам того не зная, он был источником одной из самых больших радостей моей жизни.

В этот вечер Сао переменила подстилки и вычистила жилище.

На пыльной земле, на том месте, где я спал, она заметила блестящий предмет, привлекший ее внимание. Желая узнать его назначение, она показала его Фои, который принес его мне на ладони руки. Это было стекло лупы; я хранил его в кармане и как-то затерял; жалкое стекло, выщербленное, поцарапанное, потрескавшееся, но которое тем не менее дало мне возможность совершить чудо.

Солнце кидало последние, еще жаркие лучи. Один из них скользнул по стеклу и заискрился, как уголь. Это было как бы внезапным, взорвавшим меня вдохновением. Пусть только придет мне на помощь другой луч и я обогащу эти горы новой стихией. Я торопливо набрал сухих листьев и обрезал несколько хилых веток. Под влиянием волшебного стекла произошло чудо: одна из веток заискрилась, за-

трещала, и вспыхнуло пламя, взвившееся в вечерней тьме, как ракета.

Фои при виде огня отпрянул назад.

Рядом с ним Сао испуганно обняла детей. В эту минуту появились Мур и Нау. Они возвращались с охоты и сгибались под тяжестью добычи.

Руки их опустились от испуга; быстрым звериным движением они вытянули головы вперед и вопросительно посмотрели друг на друга. По их наморщенной коже, как по шкуре рассерженного льва, пробегали переливы световых отблесков.

Вечер был тихий и ни единый листок не трепетал под нежной лаской ветерка; дым столбом поднимался прямо к небу.

И вот раздался концерт, который в природе обычно сопровождает закат дня. Серебристое пение древесных лягушек смешалось с трескотней сверчков. Недалеко от нас маленькая лягушка вторила контральтовым голосом их последним нотам. На верхнем карнизе самцы, сидя на корточках, начали свои обычные вопли.

Все это так захватило меня, что сердце мое переполнилось. И перед вновь обретенным очагом, чувствуя в себе первобытную душу далеких праотцов, я заплакал горячими слезами.

VI

МУНИ

С недавних пор у меня есть подруга. Ее зовут Адуаде Муни: она, как и я, пленница Агутлу.

Это ребенок, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, с лицом теплого оттенка полусожаренного кофе. Тонкие губы улыбаются на ее прекрасном овальном лице с прямым носом, которым отличаются некоторые племена эфиопской расы, происходящие от смешения с древними народностями Египта.

Довольно высокая, с длинными и стройными ногами, Адуаде Муни во время ходьбы высоко держит голову, украшенную густыми волосами, заплетенными в тонкие косички. Маленькое золотое кольцо блестит в носовом хряще у ноздрей; грациозная шея украшена ожерельем из мелких раковинок; и гибкий и безупречный стан стягивает кусок ткани из рафии*.

Я познакомился с нею благодаря огню, который сделал из меня исключительное существо, возбуждавшее всеобщее любопытство. Каждый вечер я зажигаю огонь, чтобы опалить дичь или сварить клубни растений. Три камня и три небольших глиняных устоя образуют очаг. Пока я священнодействую, со всех сторон нерешительно приближаются группы желающих посмотреть на чудо; но, как только вспыхивает первая искра, все в испуге подаются назад.

Однажды вечером, в последнем ряду зрителей я заметил Муни, вытянувшую свою шаловливую головку.

Муни моя соседка. Пещера ее хозяина вырыта под той, в которой живу я. В час послеобеденного отдыха, когда ее оставляют одну, она приходит ко мне. Естественная лестница из камней и корней соединяет один выступ с другим. Муни не знает головокружения, она карабкается по лест-

* Рафия — особый вид африканской пальмы с очень крепкими волокнами.

нице с ловкостью обезьяны и ее бронзовое лицо всегда неожиданно появляется над моим карнизом.

— Где ты родилась, Муни? — спросил я ее в первый раз.

— За этими горами, — ответила она, — на берегу большого озера, окруженного лесом.

Ее глаза увлажняются при воспоминании о родном лесе. Но Муни скоро овладевает своей слабостью и гордо прибавляет твердым голосом:

— Там у моих родных большая хижина, а деревня густо населена, как пчелиный улей.

Помолчав, она доканчивает свою фразу, подчеркивая ее гримасой презрения:

— Мои родные не похожи на диких зверей: они не живут в ямах.

Мне хотелось бы узнать, при каких обстоятельствах попала она к Агуглу. Но объяснения затруднительны. Девушка говорит на неизвестном мне наречии и едва знает несколько слов по-английски и по-нубийски. Чтобы сделать свои слова понятнее, она вынуждена прибегать к помощи тысячи разнообразных гримас, на которые только способна ее физиономия.

История, впрочем, обычная. Нубийские торговцы поймали ее однажды вечером, когда она ходила за водой, и отвели в свой отряд. Ее связали лианами, били по каждому поводу, долго вели по неизвестным тропинкам. Маленький отряд, достигнув горных вершин, собирался уже перевалить их, когда появившиеся в темноте Агуглу утащили Муни от ее похитителей. Это случилось два года тому назад. С тех пор она живет здесь, в одной и той же пещере, ничем не занятая, более или менее свободная и почти счастливая.

— Счастливая? — повторил я, как эхо.

— Да, — сказала она, полуоткрыв улыбкой рот, украшенный белыми зубами.

Я прибавил, не смотря на нее:

— Сколько вас всех в жилье?

— Не считая меня, шесть мужчин, трое детей и одна женщина, — ответила она.

На мои губы просился другой вопрос, но перед чистыми глазами Муни, которая без всякого смущения смотрела на меня, я не осмелился его произнести. Она, несомненно, поняла мою мысль, так как тихо добавила:

— Они берегут меня для Каа.

Там, где она сидит, играет солнечный луч и в нем танцуют мошки; она мигает веками и отгоняет их рукой.

— Кaa? — спросил я в изумлении.

— Да, — ответила она едва уловимым шепотом. — Кaa — ...старец... патриарх... Тот, с которым не говорят!

Ее палец снова указывает мне на вершины.

— Он живет там, высоко, среди туч. Это властелин, которому повинуется весь мир.

Муни замолкает, увидев Сао, появившуюся на площадке; Сао вглядывается в небо, чтобы измерить высоту солнца. Это час, когда Фои возвращается домой; он скоро будет здесь и довольная Сао улыбается нам, блестя своими белыми зубами. Когда она ушла, Муни снова тихо заговорила:

— Патриарх, который живет там, в вышине. Что я могу сказать тебе о нем, кроме того, что он один держит в своих руках нити нашей судьбы. Каждый год, во время дождей, различные кланы, рассеянные в горах, послушно приносят ему в дар своих плениников и девственниц. Приближается день, когда и меня поведут к нему. Может быть, мы попадем в одну партию.

Внезапным прыжком Муни вскаивает на ноги. Одно мгновение ее горячая рука дрожит в моей; затем я остаюсь один перед темнеющим горизонтом.

В эту ночь меня мучил странный кошмар. Я летал высоко над горами в звездном небе, вцепившись пальцами в шею большой птицы с распростертыми крыльями. Вдруг я почувствовал, что мы падаем с головокружительной быстротой. Я закрыл глаза, чтобы не чувствовать падения и, когда снова открыл их, таинственная птица исчезла.

Я находился один у входа в мрачное ущелье. Маленький гном с глазами, окаймленными краснотой, с лягушачими щеками и короткими, как плавники, руками, сделал мне знак следовать за ним, и мы молча пошли вперед. Мы

долго шли через целый лабиринт коридоров; наконец, мой проводник сразу остановился и удариł кулаком в стену. Каменная глыба целиком поднялась и открыла громадное помещение, освещенное со всех сторон сернистым светом, с мраморными колоннами и базальтовым портиком.

В глубине, на троне из зеленого нефрита, сидел высокий старик. Гном упал перед ним на четвереньки. Вдоль всего покоя распростерлись другие гномы, уткнувшись лбами в землю. Но я не видел ничего этого, так как мой взгляд был неодолимо прикован к низкой двери, пробитой в стене. Когда она открывалась, я видел искаженные лица и слышал зловещие стоны. Каждый раз из этой геенны выходили женщины. Они были всевозможных рас и национальностей: черные, желтые, одни с удлиненными к вискам глазами, другие с пышным станом, третьи с распущенными по плечам светлыми волосами. Они подвигались мерными, плавными шагами, устремив глаза куда-то вдали. Каждую поддерживали под руки двое слуг и по ступенькам трона поочередно подводили к старику. Одним беглым, жестким взглядом Великий Старец осматривал ее руки и плечи, затем резко откидывался на спинку трона и мановением руки приказывал увести женщину.

Все совершалось быстро, и женщины в короткое время переполнили залу, где стоял какой-то тяжелый запах.

Внезапно я почувствовал, что от ужаса у меня выступили на висках капли пота. Среди вереницы жертв я увидел лицо Муни. Взойдя на первую ступеньку, она бросила мне такой взгляд загнанного животного, что я бросился вперед с криком смертельно раненого человека и все сейчас же исчезло: и большая, колеблющаяся зала, и распростертые карлики, и страшный старик. Я проснулся, порывисто дыша, царапая ногтями сбившуюся подстилку и чувствуя себя совершенно разбитым.

В пещере, переполненной миазмами, Агуглу спали тяжелым сном. Я тихонько вышел, стараясь заглушить шум своих шагов.

Ночь была светлая. Четыре симметричные звезды Южного Креста мерцали на стальном полированном небоскло-

не. Я сел, почти упал, в конце площадки, упервшись локтями в колени. Скоро до меня донесся неясный шум голосов. Отдельные предметы, окутанные тенью, потеряли свои очертания, слившись друг с другом, и я с большим трудом различил фигуры двух существ, сидевших рядом; их глаза то вспыхивали фосфорическим блеском, то потухали.

В эту минуту в разрезе горного кряжа показалась луна икрасила в лиловый цвет небо, наполовину затянутое облаками. Обе фигуры оказались залитыми светом. Я узнал Фои и Сао: обняв друг друга руками за шею, они покачивались, подобно коленопреклоненным статуям...

В данную минуту Фои, стоя рядом со мной, занимается своей хитрой работой. Сжав губы, образующие складку в углу рта, он неутомимыми пальцами полирует слоновую кость или дикий камень. Нас окружает рой мух. Иногда длинная лента птиц проносится в небе со звуком разрывающейся ткани.

Очень часто Муни присоединяется к нам. Она учит меня языку Агуглу.

В этом зачаточном наречии замечательно, в особенностях, одно явление: полное отсутствие слов для выражения отвлеченных и родовых понятий. Слов «жалость», «время», «цвет», «растение», «птица» не существуют в их словаре. Фои никогда не скажет: «я болен»; он скажет «у Фои болит живот» или «у Фои болит голова».

Качества вещей он не определяет прилагательными: «сладкий», «теплый», «холодный», «короткий», «нежный», «любящий» — их нет в языке Агуглу. Вместо «твердый» он скажет «как камень», вместо круглый — «как луна». Но зато диалект довольно богат словами, служащими для обозначения всего, что Агуглу могут видеть и осознать. Так, наиболее часто встречающиеся породы деревьев, животных и

цветов имеют названия. Многие согласные отсутствуют. Множественное число получается через удваивание слова, например: «рука» — «ео», «руки» — «ео-ео». Счет у них очень скучен. Фои не способен пересчитать собственные пальцы. Его система счисления не идет дальше четырех. Следует еще заметить, что это число равносильно для него слову «много».

Но больше всего меня занимает изучение нравов. С самого первого дня я ищу удовлетворительного объяснения диких воплей, предшествующих закату солнца. Следует ли видеть в этих завываниях нечто вроде религиозной церемонии во имя неизвестного бога? Или Ауггулу плачут при наступлении сумерек, испытывая смутное опасение, что солнце исчезает навсегда? Я склонен принять эту последнюю гипотезу. Действительно, когда я говорю Фои о силе, лежащей вне естественных законов, он не понимает. У него нет никакого представления о божестве, которое можно умиротворить жертвами. Однако, подобно своим сородичам, он, видимо, постоянно терзается какими-то таинственными страхами. Впрочем, мне удалось установить одну из причин этого страха, заставляющего его без всякого видимого повода трепетать и стучать зубами. Все дело в каком-то черном существе, представляющем собой нечто вроде оборотня-людоеда; этот оборотень бродит во мраке, и никто не может спастись от него.

Верят ли Ауггулу в будущую жизнь? Я думаю, что нет, так как, вообще говоря, они не питают никакого уважения к трупам. Недавно у наших соседей скончался ребенок, страдавший какой-то скрытой болезнью, и родители не проявили ни малейшего волнения. Маленькое тело было грубо выброшено через карниз в пропасть и, зацепившись, повисло на скале. На следующий день большой ястреб, покружившись над долиной, опустился на добычу, запустил когти в тело ребенка и поднялся, никем не отогнанный.

Впрочем из этого правила допускаются исключения. Когда умирает патриарх-Каа, или прославленный храбростью глава клана, или известный своей мудростью старик, Ауггулу совершают в честь их настоящие погребальные обряды.

Тело погребают в сидячем положении под кучей камней, расположенныхных с грубой симметричностью.

Я добился от Фои описания этих церемоний. Понемногу он рассказал каждую подробность, которую мне пришлось медленно и терпеливо выпытывать у него. С большим трудом удалось мне скоординировать все то, что он хотел сказать; фразы были отрывочные, непонятные, без видимой связи... Передать их можно только тарабарщиной, даже более непонятной, чем ломаный язык негров. Поэтому я предупреждаю читателя: когда на протяжении этого правдивого рассказа мне придется приводить слова Фои или его со-племенников, то я не буду воспроизводить их дословно, — настолько язык Агутгу неточен и речь бессвязна. В противном случае, я утомил бы читателя и лишил бы рассказ удобопонятности.

— Когда умирает Каа, — старательно объяснял Фои, — его жены приводятся к могиле, вокруг которой, под крики, вопли и хлопанье рук, они пускаются в неистовую пляску. Они кружатся без устали в продолжении долгих часов. Наконец, наступает минута, когда несчастные, уже ранее парализованные ужасом, одна за другой в изнеможении валятся с ног. По мере того, как они падают, их хватают, запрокидывают им голову и закалывают. Их трепещущие тела складывают в кучу около трупа Каа, затем сверху наваливают протухшие съестные припасы, ломаное оружие и предварительно разбитую домашнюю утварь.

— Зачем же ее разбивают, Фои?

Он мне отвечает с простодушной логикой:

— Если Каа умер, на что ему свежая пища, новое оружие и целая посуда?

Подобное рассуждение указывает на просыпающееся сознание. И Фои часто подтверждает это на деле. Вот, например, осколком кремня он старается награвировать что-то на куске дерева. Линии, начертанные его неопытной рукой, глубоки. Гравер хотел изобразить силуэт дикого барана, часто встречающегося на этих высотах, и точно воспроизвел его существенные черты: схватил даже обычную позу этого жвачного животного, когда оно отдыхает, прислонясь спи-

ной к стволу дерева. Недолго думая, Фои решительным ударом кремня начинает кромсать дерево, стараясь придать ему вид толстой дубины. Каждый удар портит рисунок, выполнившийся с таким терпением. Рога животного, конец хвоста, профиль его морды, так естественно наклонившейся к земле, — все эти подробности, в которых таилась жизнь, по-немногу исчезают. Фои не сумел соразмерить свои удары и душа рисунка пропала.

Фои остался ребенком; у него впечатлительный и непосредственный характер. Его волнуют безотчетные желания и осаждают неясные страхи. Он, например, опасается сообщать свое имя, полагая, что другой, узнав его имя, может этим самым получить таинственную власть над ним. Боюсь, что Фои первым додумается до всяких смутных страхов о загробной жизни. Близок момент, когда он высечет из камня первого идола.

Но пока заботы подобного рода не тревожат Агуглу. Они не думают о будущей жизни, не думают даже о завтрашнем дне. Никакой предусмотрительности! Они живут изо дня в день и охотятся только тогда, когда их к этому принуждает голод. А сезон бездождя кончается и ливни скоро повлекут за собою оскудение запасов.

Самцы уже беспокоятся и волнуются. Крупная дичь, предупрежденная своим инстинктом, покинула высокие плоскогорья, которые, благодаря разлившимся потокам, скоро сделаются непроходимыми. Охотники приносят только очень незначительную добычу. Вчера к ночи Мур и Нау вернулись с охоты, измученные бесполезным хождением, с блестящими от досады и гнева глазами.

Когда они вошли в грот, Муни бросила на меня тревожный взгляд. Без сомнения, перед ее глазами промелькнуло что-то виденное ею раньше, потому что она провела несколько раз рукой по векам, как бы отгоняя тяжелое воспоминание. Наконец, она решилась прервать молчание. Склонившись щекой на сложенные руки, она начала делиться воспоминаниями о пережитых ужасных часах. Отрывистыми словами она рассказывала о бесчисленных драмах, заливающих кровью пещеры, когда изголодавшиеся самцы остаются

ся несколько дней лишенными пищи. Вихрь безумия потрясает горы. Желание поесть мяса возбуждает страсти. Даже самых мирных охватывает ярость. С пеной у рта, с налившимися кровью глазами, они выпрямляются, скав кулаки; всякая жалость исчезает. Больные, калеки и слабые являются первыми жертвами безумия: здесь убивают ребенка, там призывают к столбу пленника и разрубают его на части; или же, наконец, самцы устроив из палки, приложенной к шее жертвы, нечто вроде рычага, душат свою самку, чтобы избегнуть потери хоть капли крови.

Я слушал, холода от ужаса. Сумерки окрашивали только часть неба, развернувшуюся багровой полосой. Природа купалась в розовом воздухе, как будто чья-то чудесная рука рассыпала повсюду персиковые цветы. Со всех концов, раздавались уже вопли и испуганные птицы стрелой проносились по небу.

Чтобы отвратить последствия голода, я решил попытаться произвести опыт.

В это время года мириады рыб, опустившихся на дно спокойных вод для метания икры, поднимаются вверх и бесчисленными сплошными массами плывут по течению потоков, иногда в продолжение нескольких часов сряду. Агуглу, располагающие только грубо сплетенной из травы корзиной, ловят их в большом количестве. Какой же удивительный улов можно было бы получить, применяя другие орудия! Почему, например, не прибегнуть к плодам дерева «nette», оболочка которых, намоченная в воде с каменной солью, даст очень сильный дурманящий яд? Нескольких капель этого яда, часто применяемого черными, достаточно для оглушения самых крупных рыб, при чем мясо их не портится и остается съедобным.

Я заручился содействием Фои, Сао и Муни.

Когда мы отправились на ловлю, солнце начинало окрашивать водяные пары над потоками, и золотистый пепел окутывал лес. Дорога, спускающаяся в долину, одна из самых крутых. Но мои глаза уже привыкли смотреть с высоты и я больше не испытывал головокружения. Тем не менее, иногда мой шаг колебался и в наиболее опасных местах Фои

должен был меня поддерживать.

Муни же, наоборот, быстро подвигалась вдоль скал, не испытывая ни малейшего страха. Я любовался ее гибким, прекрасным телом. При виде того, как смело пробиралась она, повисая порой над пропастью, дрожь пробегала у меня по плечам.

— Осторожнее, Муни, идти трудно и скользко!

— Не бойся ничего, — отвечала она, нетерпеливо отмахиваясь, — в моей деревне тропинки еще круче этих.

Мы приближались к котловине долины. Деревья, еще окутанные густым туманом, трепетали под нами и скоро мы могли уже дотронуться рукой до их верхних ветвей. Вода плотной массой падала с грохотом, подобным реву разъяренных животных, и шум ее скоро сделался оглушительным.

Я остановился, чтобы вдохнуть аромат леса. Передо мной стояла Муни, вся облитая светом. Солнечный луч заиграл на ее лице и зажег искрами золотое колечко в ее ноздрях. Подняв правую руку, она посмотрела на меня сквозь свои расставленные пальцы.

— О чём ты думаешь? — спросила она. — О жене или детях, которых ты оставил?

— Я одинок и жалею только о своей свободе.

— Правда ли? Ты всегда так печален, всегда задумчив и никогда не смеешься.

Я почувствовал легкий укол в сердце. Это было мимолетное волнение. Когда я поднял голову, девушка уже убежала к реке и ее чистый смех раздавался за скалами.

В этом месте каскад вился между деревьями и в его падающих струях играли брызги света. Водяные канаты со свистом ползли по камням; вокруг них тянулись живые водоросли, похожие на кисею; иногда порыв ветра менял направление падающей воды, которая изгибалась со стоном.

Ниже река успокаивалась. Мириады рыб плавали в спокойных водах. Вися над пустотой, они словно летели, подвигаясь маленькими толчками вперед.

— Принеси мне яд, — крикнул я Фои прерывающимся голосом.

Он удивленно посмотрел на меня и, не говоря ни слова,

протянул сосуд с одурманивающей жидкостью.

— Давай скорей, — повторил я, стиснув зубы. Дрожащей от волнения рукой вырвал я у него яд и вылил несколько капель на спокойную скатерть реки.

Муни и Сао подошли к нам. Мы вчетвером наклонились над водой, и молча ждали результатов действия сока нетте. Каждая капля его медленно соединялась с чистой водой. Скоро выплыли на поверхность первые рыбы. Оглушенные сильным ядом, они плыли по течению и их цветная чешуя блестела на солнце.

Через недолгое время в плетенках набралось громадное количество рыбы... Порой, большая, не хотевшая умирать рыба внезапно поднималась и резким ударом хвоста, точно молния, прорезала растревоженную кучу.

Зарыв руки в добычу, Фои смеялся от удовольствия.

— За один раз не унести всего улова, — сказал он.

Его взгляд встретился с моим и я прочел в нем удовлетворение.

— Иди, — сказал я, — мы подождем твоего возвращения.

Он ушел, сгибая плечи под тяжестью ноши. Жара, как удар дубины, тяжело опустилась в долину.

Ленивая Сао присела под ветками и закрыла глаза. Но Муни стояла на солнце, чтобы высушить свое мокрео тело.

— Иди в тень. Солнце падает отвесно и может повредить тебе, — сказал я Муни.

Она послушалась и пошла легким шагом, поддерживая руками влажные волосы на затылке. Сзади на песке оставался след ее мокрых ног.

В двух шагах от меня она остановилась и сказала тоном избалованного ребенка:

— Вот Муни и пришла, дай ей место рядом с тобой.

Она села. Ее профиль был в тени, но на ресницах дрожали огоньки. От поднятой руки, обвивавшей мою шею, около плеч образовались ямочки.

Мое волнение не укрылось от нее. Ее ноздри вздрагивали, она, видимо, ждала признания. Но я молчал, слишком взволнованный, чтобы говорить. Тогда ее лицо склонилось к моему и, закрыв глаза, я поцеловал ее.

VII

ПОХИЩЕНИЕ

Как то вечером я засиделся на площадке перед нашим жилищем. Стояла мертвая тишина. Время от времени из глубины долины доносились завывания гиены; она точно выдавливала из себя рыдания и ужасные звуки потрясали вечерний покой и леденили кровь. Вокруг меня порхали светлячки, то потухая, то вновь загораясь. Целые рои светящихся жучков усеивали уступы скал искристыми гирляндами; то там, то сям вспыхивали маленькие, мерцавшие огоньки. Зная по опыту, что появление этих насекомых предвещает грозу, я ушел в пещеру, чтобы забыться сном.

Меня разбудил грохот бури, разразившейся с шумом, напоминающим хлопанье крыльев гигантской птицы. Я вскочил; Мур уже был на ногах. Без сомнения, в завываниях бури он уловил шум, внушивший ему беспокойство; он насторожил уши и прислушивался. Ворча, поднялись в свою очередь Нау и Фои. Все трое бросились к выходу. Я последовал за ними и, встав на колени, перегнулся через карниз, пытаясь заглянуть в темную бездну.

При вспышке молнии я заметил какого-то Агуглу, быстро спускавшегося по уступам скалы. Он несся вниз чуть ли не кувырком, держа в руках человеческую фигуру, которая барабантилась, билась и своими пронзительными криками покрывала даже шум бури.

— Ко мне! Помогите!

Одним прыжком Мур и его спутники перемахнули через карниз и нижнюю площадку. Спиной к стене, ощетинившись подобно диким зверям, там уже стояли другие самцы.

Шел возбужденный разговор. Порывом ветра доносились до меня отдельные слова, заглушенные грохотом бури. Держась руками за карниз, я высунулся и крикнул Фои, горячо спорившему внизу подо мной:

— В чем дело? Что угрожает нам?

Фои поднял на меня встревоженные глаза; между двумя ударами грома я снова крикнул ему:

— Умоляю тебя, — ответь мне!

Но вместо ответа он нырнул в бездну. И ночь мгновенно поглотила его.

Когда я увидел его снова, он бежал в голубоватом блеске молний вдоль пенящегося потока, прыгая с камня на камень и, наконец, исчез во мраке.

Что в это время происходило с Сао?

Я ощупью возвращался в пещеру, когда до моего слуха донесся шум ожесточенной борьбы. Слышались какие-то глухие, подавленные звуки, как будто чей-то умоляющий голос застревал в горле; звуки смешивались, прекращались и снова вырывались наружу, как у человека, которому забивают в рот кляп. Ужасное предчувствие толкнуло меня в пещеру.

Увы! Вмешиваться было уже поздно. В тот момент, когда я проскользнул в отверстие, сильный кулак отбросил меня назад, в воздухе прозвучал последний крик, грубой рукой остановленный в горле и закончившийся хрипом.

С начала сезона дождей я хранил в дыре, проделанной в конце грота, угли, медленно тлевшие под пеплом. Запас смолистых веток лежал рядом. Я схватил одну ветку и зажег от горящих углей; пламя вспыхнуло и сквозь клубы дыма осветило пещеру.

Как я и боялся, Сао исчезла. На разбросанных в беспорядке подстилках, неподвижно лежали одни малютки. Младший мирно спал. У второго на левом виске виднелась неглубокая рана с запекшимися капельками крови.

Восстановить картину всего прошедшего было нетрудно. У всех диких народов похищение является единственным правом, на котором зиждется брак. Силой или хитростью наиболее крепкие и ловкие похищают женщин из соседнего клана. При подобном похищении я как раз и присутствовал.

Вдруг в моем взволнованном мозгу мелькнула мысль, которая постепенно обострялась, выяснялась и, наконец, приняла определенные формы: одно только жилище Муни имеет выход на нижнюю площадку. Стало быть, неизвестный Агу-

глу нес под ливнем мою подругу и значит, именно ее-то отчаянные крики я только что и слышал.

Опустив голову на руки, я закрыл глаза, чтобы избавиться от этой картины. Но и под закрытыми веками вставал образ Муни; слабенькая, дрожащая, покорная, она как будто лежала в глубине грота, с подавленным видом положив руки на колени.

Бледный свет, предшествующий рассвету, застал меня задыхающимся и дрожащим в лихорадке. Буря утихла. Юное солнце купало в своих лучах вход в пещеру. Стенки малопомалу освещались и я машинально следил за победным шествием света.

Вдруг перед мной вырос Фои. Его шерсть была покрыта грязью. Запыхавшись от быстрого бега, он прижал руки к сердцу, чтобы успокоить его биение. Едва слышно я спросил его:

— Почему ты вернулся один?

Фои сделал унылый жест. Он обвел взглядом жилище, потом устремил на меня острые глаза:

— Теперь ты скажи мне где, где Сао?

Я молчал, опустив голову.

Его гнев разразился хриплыми криками, он начал колотить себя огромными кулаками в грудь, гудевшую, как барабан.

В тот же вечер все члены клана собрались на совещание. Их было около тридцати; все они скрежетали зубами и потрясали длинными руками. Мур заговорил первым. Он искал слов, сопровождая их подергиванием плеч.

— Наша область, — начал он, — подверглась нападению. Воины чужого племени проникли в наши жилища, чтобы похитить у нас женщин и детей.

Он остановился, чтобы подумать. Но не находил слов и кратко закончил:

— Отомстим!

Сидя на корточках полукругом и опершись подбородками на руки, присутствовавшие размышляли. Воцарилось молчание. Наконец, единогласным криком, донесшимся до вершин, они выразили свое согласие.

Общественная жизнь, даже в зачаточном состоянии, требует известной солидарности. Потому-то и не могло подняться никаких споров о достижении намеченной цели. Подлежал обсуждению лишь вопрос о том, какими средствами достичь этой цели.

Один старик последовательно сообщил два хитрых приема, выработанных еще предками. Предпочитающие первый прием, отправляются бродить в небольшом числе вокруг жилища врагов. Как только оттуда покажется женщина, идущая за водой к водоему, ее сейчас же оглушают ударом дубины. Другой способ еще менее сложен: под прикрытием урагана попросту вторгаются в жилище врагов.

Когда старик замолчал, заговорил я:

— Конечно, эти приемы остроумны. Но я укажу на то, что наши противники знают, по крайней мере, второй из них, потому что сегодня ночью они его применили. Не думаете ли вы, что будет более выгодно применить какой-нибудь новый метод?

Лица присутствующих сделались неподвижными от изумления. Старик презрительно отодвинулся. Hay, которому надоели мухи, морщил кожу на больном ухе. Я продолжал, пристально смотря в глаза присутствующим:

— Если вы примете мой совет, мы вооружимся терпением до первой звездной ночи. Выйдем все вместе до восхода солнца с таким расчетом, чтобы к рассвету прийти на место. Спрятавшись в кустарниках, мы подождем, пока наши противники, прельстясь хорошей погодой, покинут свои пещеры и направятся на охоту. Женщины останутся одни и окажутся в нашей власти.

Агугу посоветовались взглядами. Старики не одобряли моего проекта, противоречащего всем традициям. Более предприимчивая молодежь присоединилась к моей точке зрения, которая и была, наконец, принята.

Мы отправились через день, дождавшись ясной ночи и, разделившись на две группы. Одна спустилась в долину, где тьма окутывала поток. Другая же, в которой находился я, обогнула долину, двигаясь вдоль горного хребта.

На одном повороте мы увидели стадо антилоп, пасшееся на склоне горы. Легкий ветерок развевал серебряные волоски, дрожавшие в их ноздрях; они подняли на минуту свои влажные морды, потом, согнув спину, снова наклонились к ароматной траве. Дальше, между двумя скалами, промелькнула маленькая обезьяна, подняв свой розовый зад. Нау бросил в нее дротиком, древко которого было украшено камешками, вправленными в трещины дерева. Животное покатилось с разбитой спиной; Нау покончил с ним ударом пятки.

Начинало светать, когда Мур, руководивший нами, дал знак к остановке. Мы находились на сухой, плоской возвышенности; из почвы торчали камни, напоминавшие притаившихся животных. Молодой месяц разливал свой холодный свет. Я узнал местность, где мы расположились стоянкой в тот вечер, когда Абу-Гурун был похищен невидимыми.

Перед нами чернела глубокая расселина, делившая гору надвое; там я впервые увидел Агуглу.

Место было благоприятное для засады.

Притаившись в густом кустарнике над расселиной, я бросил взгляд вниз. Огромное дерево, корни которого купались в потоке, поднимало свою густую вершину между отвесными стенами гор. Мур указал на него пальцем, и я понял, что наши товарищи спрятались в его ветвях. По данному знаку листва слабо заколебалась; это произошло быстро, как молния и затем снова все успокоилось в неподвижных ветвях.

Медленно тянулись минуты. С рассветом проснулась жизнь. На другом склоне расселины размеженным шагом прогуливались голуби, нагнув шею и распустив кринолином хвост, словно чванные жеманницы на прогулке.

Эти мелкие подробности врезались в мою память, хотя думал я совсем о другом, так как приближался решительный момент.

Когда солнце осветило западные откосы, на скалах показался, наконец, Агуглу. Скоро к нему присоединились другие. Все они появились из зарослей, так что нельзя было догадаться, из какой пещеры они выходили. Их волосатые руки

сжимали дубины и острые топорики; переговаривались они между собой хриплыми голосами. Вдруг из пропасти до нас донесся шум ломающихся веток: наши противники взбирались по утесу и скатывавшиеся под их ногами камни падали в реку.

Я притаился и закрыл глаза. Когда я их снова открыл, Агуглу уже прошли, не заметив нашей засады.

— Чего же еще ждать? — Я уже согнул колени, готовясь выпрыгнуть из кустарника, но Мур толкнул меня обратно в заросли.

— Не сметь двигаться! — приказал он глухим голосом.

Из оврага послышался болтливый шум голосов. Женщины покинули свои жилища; цепляясь руками за выступы и раскачиваясь телом, спускались они шумными группами к ручьям, покрытым пеной.

Прокладывая себе путь сквозь острые камни, вода встретила в своем стремлении выступ скалы, со свистом откинулась назад и образовала своими брызгами прозрачный веер; туда и направлялись болтливые дамы.

Увидев, что они занялись омовением, Мур вытянул губы и свистнул.

По этому сигналу, дерево над потоком ожило. Держась вытянутыми руками за ветки, наши товарищи быстро перебежали пространство, отделявшее их от откосов, и исчезли в пещерах.

Но одна из женщин заметила их маневр и подняла тревогу. От ее криков взбудоражились другие. Подняв нос, выпустив когти и оскалив зубы, они принялись выть хором, подлаивая, как собаки.

Самцы, к счастью, были уже далеко. Один только задержался вблизи нас и скоро мы услышали треск кустарника и топот быстро бегущих ног.

Опустившись на одно колено, упираясь обеими руками в скалу, Мур приготовился к прыжку. Добежав до края скалы, Агуглу остановился и понюхал воздух, ища направления ветра.

Мур не дал ему времени почутять нас. Одним прыжком он бросился на него и запустил ему в горло свои острые когти,

так что тот едва успел закричать. Полузадушенный самец безжизненно растянулся на земле. Мур обхватил его своими могучими руками и, раскачивав, бросил в пропасть.

Тело перевернулось два раза в воздухе, ударилось о скалу и, отлетев от нее, упало на берегу потока, около воюющих женщин, ноги которых были в воде.

— Одним меньшее! — произнес Мур в виде надгробного слова.

В это время наши товарищи продолжали действовать. Склонившись над краем расселины, я вдруг заметил, как за колебалась ветка мимозы; за нее ухватилась чья-то рука. Это был Фои, поднимавшийся при помощи одной руки. Другой он поддерживал Сао. Вот ее большой приветливый рот, ее маленький квадратный нос, ее простодушные глаза, увлажненные теперь слезами радости!

— Скорее, Сао, — сказал я, протягивая к ней руки, — скажи мне что-нибудь о Муни.

— Она там, — ответила Сао, пристально смотря на меня. Фои ответил с улыбкой:

— Успокойся, я приведу ее тебе, — и снова нырнул в бездну. Когда он вернулся, в его руках находилась маленькая, хрупкая Муни. Углы рта ее слегка вздрагивали, выдавая волнение.

— Наконец-то, — сказал я, беря ее на руки и сажая к себе на колени. Когда, минуту спустя, я вернулся к действительности, гам вокруг нас усилился.

Опьяненные успехом, наши товарищи бежали со всех сторон. Они топотали ногами от радости и подталкивали перед собой украденных из пещер женщин. Связанные попарно, с гримасничающими мордочками, женщины неловко бежали, покачивая бедрами и бросая исподтишка взгляды на гнавших их самцов.

Вдруг посреди одной из этих кучек я заметил жалкое существо, которое еле тащилось, опустив голову. Его глаза, отвыкшие от света, мигали, как лампа, которая вот-вот погаснет.

— Ты ли это? — воскликнул я. — Ты ли это, Абу-Гурун? При звуке своего имени, он выпрямился и, как распятый,

прислонился спиной к дереву.

А Муни протирала себе глаза. Подойдя к Абу-Гуруну, она подперла кулаками бока и крикнула ему звенящим голосом:

— Я тоже узнаю тебя, Абу-Гурун, взгляни-ка, узнаешь ли ты меня?

Она вперила свой взгляд в его глаза, как ни старался Абу-Гурун отвести их, и кричала:

— Разбойник, вор! Работоторговец! Отвечай мне! Узнаешь ты Муни? Ответишь ты мне, коварный негодяй?

Под этим потоком оскорблений нубиец молчал, как рыба. Бледный и неподвижный, подобно каменному изваянию, он, закинув голову, смотрел в небо, по которому неслись улетавшие птицы.

Тогда Муни, вне себя, плонула ему в лицо. Слезы брызнули из ее глаз и, рыдая, она упала на мое плечо.

Тем временем Мур дал знак рукой собираться в обратный путь. Одним толчком Фои отбросил Абу-Гуруна в стадо пленных. Я видел, как он удалялся, бледный и молчаливый, вытирая рукой свое оплеванное лицо.

VIII

Ку-Ку

Ах! Какая хитрая и резвая женщина эта маленькая Ку-Ку! Живая и наглая, как горный хорек, который, держа нос по ветру, играет по вечерам у своей норки.

— Что это за Ку-Ку? — спросит читатель. — Какая новая героиня неожиданно вводится в рассказ?

Ку-Ку — это молодая особа, полная и кругленькая, с желтой, цвета светлой охры, кожей, попавшая к нам после разделя пленниц. Ее не выбирали, она сама к нам навязалась.

Обладая быстрым и проницательным умом, Ку-Ку сразу же сообразила, что Мур был самым влиятельным самцом клана. И, пленившая силой его мускулов и властностью взгляда, она решила принадлежать ему.

Все время пути до наших жилищ я наблюдал за ее проделками. С замечательной ловкостью, не сделав ни одной ошибки, она прекрасно провела целый сложный план хитрого кокетства.

Когда двинулись в путь, Ку-Ку шла среди группы пленниц, связанная за руки с толстой, едва дышавшей мегерой, ноги которой гнулись под бременем слишком тяжелого живота.

Прежде всего, Ку-Ку постаралась проявить свою добрую волю. Таща за собой охвающую соседку, дыхание которой делалось все более хриплым, она пробралась в первый ряд, проталкиваясь локтями и, как кошка, изгибая спину. Еще минута и она уже шла впереди, выпрямив грудь и стреляя через плечо блестящими глазами.

Когда Мур проходил перед отрядом, она начинала более заметно переваливаться и в ее кошачьих глазах зажигались желтые искорки.

Вдруг она сделала вид, что не в состоянии продолжать путь. Руки ее опустились; она стала испускать слабые крики и вздохи избалованного ребенка. Заметив поблизости Мура, она совершенно остановилась, как будто изнемогая от

усталости, и поднесла руки к сердцу, чтобы успокоить его биение.

— Отвяжите ее, — сказал Мур и голос его задрожал.

И так как, по его мнению, приказание исполнялось слишком медленно, он сам быстрым ударом кремневого ножа разрезал лианы.

Соразмеряя свой шаг с шагом Мура, Ку-Ку шла теперь выпрямясь и, уже слегка обнаглев, положила обе руки на грудь, чтобы выгоднее оттенить ее пышные формы. Улыбка поднимала уголки рта и обнажала ее мелкие, заостренные зубы.

Солнце было в зените, когда мы пришли к плоскогорью, расположенному над жилищами.

Там были собраны все пленницы. Они наклоняли головы и мигали глазами под отвесными лучами солнца. Хотя от этой минуты зависела их судьба, большая часть равнодушно и покорно ждала ее решения. Некоторые спокойно искали насекомых в головах своих детей, сосавших грудь, втягивая щеки. Другие мерно раскачивались, как часовые маятники. Среди последних, кругленькая Ку-Ку, толстая, как гусыня, с маленьким приветливым носиком, как у хорька, казалась самой живой и самой хорошенькой.

Сложив руки, она наклоняла шею, чтобы показать свой толстый подбородок. Сквозь открытые губы виднелись зубы.

Несмотря на всеобщее внимание, которым она чувствовала себя окруженной, Ку-Ку оставалась бесстрастной и стояла с опущенными глазами, чтобы потушить под ресницами их пламя.

Воины ходили взад и вперед перед группами. При виде старух они ускоряли шаги своих тощих ног без икр, но перед молодыми, наоборот, останавливались и дерзко смотрели на них. Ку-Ку, казалось, была в восхищении от самых нескромных проявлений любопытства.

Один из воинов оказался наиболее предприимчивым. Взяв Ку-Ку за подбородок, он тщательно пересмотрел ее зубы и погладил рукой по шее около затылка. Она игриво засмеялась, сделала шаг назад и тайком бросила взгляд на Мура.

Мур хранил молчание.

Тогда инстинкт подсказал Ку-Ку безошибочное средство для победы.

Устремив пристальный взгляд на воина, она привлекла его к себе и стала смотреть на него с нескрываемым восхищением.

Тут уже Мур не выдержал; задетый до глубины души, он крикнул хриплым от гнева голосом.

— Эта женщина моя! Пусть никто к ней не прикасается!

Он был так страшен своими выдающимися челюстями и большими, широко расставленными руками — объятиями смерти или любви, — что его соперник не осмелился принять вызов и с недовольным ворчанием удалился.

С тех пор, как Ку-Ку вошла в наше жилище, она наполняет его своей болтовней. Она смеется, поет и носится по всем углам. Пока Сао перетряхивает подстилки, кормит ребенка, ходит за водой, Ку-Ку завивает пушок своей пушистой шерсти, вырывает волоски из носа или любуется на себя в воду, находящуюся в сосудах. Она видит там плутовское лицо с зелеными глазами, блеск которых пронизывает, как клинок ножа.

Не будучи красивой, Ку-Ку все же обаятельна.

У нее маленькие ножки, маленькие ручки, круглое и нежное тело, как у хорошо упитанного цыпленка. Ее тонкие пальцы кажутся бескостными: они длинны, гибки и изящны. Шерсть ее, выросшая в темноте жилища, сохранила желтый оттенок соломы, которым отливает слоновая кость. Проглянув по ней рукой, можно подумать, что дотрагиваешься до птичьего пуха.

Чтобы нравиться ей, Мур находит в глубине своей души чувство неожиданной нежности.

Однажды вечером он вернулся с ворохом лаванды. И с тех пор Ку-Ку сладко потягивается своим маленьким круглым телом, зарывшись в душистых ветках.

Со времени возвращения нашей экспедиции, ливни все время продолжаются с возрастающей силой. Ежедневные грозы сотрясают горы. Иногда слышится в тишине ночи треск обрушающихся скал, подточенных дождями. Один

из обвалов чуть не снес террасу, на которую выходит наше жилище.

Самцы не покидают больше пещеру, и Ку-Ку обращается своим миловидным и лукавым лицом то к одному, то к другому. Держа кончиками пальцев хвост сухой рыбы, она, кружась, нюхает его, причем ноздри ее вздрагивают, как у животного. При виде ее проделок, Мур раздражается и сжимает кулаки. Тогда кокетка на мгновение тушит огонь своих глаз.

В промежуток между двумя грозами, солнце иногда показывается на небе. И Муни спешит тогда навестить меня. Она садится ко мне на колени, закидывает руки на затылок и выпрямляется, причем сзади на шее у нее образуется легкая складка.

Однажды она мне неожиданно заявила:

— Пойдем со мной, Абу-Гурун хочет с тобой поговорить.

Я знал, что после раздела пленных, случай соединил под одной кровлей бывшего торговца рабами и его жертву.

Тем не менее, до сих пор, как бы по взаимному соглашению, мы избегали говорить о нубийце.

По звуку ее голоса я почувствовал, что в сердце Муни не было больше ненависти. Весь ее гнев вылился в первый же день. Теперь в ее глазах нубиец был только несчастным умирающим существом, уже отмеченным перстом судьбы.

Я последовал за ней на нижнюю площадку.

Желая насладиться бледным солнцем, Абу-Гурун дотащился до порога пещеры. Он сидел у скалы, прислонившись головой к корням какого-то растения. Увидев меня, он попробовал подняться. Благодаря необычайному усилию, ему удалось даже встать на ноги и сделать несколько неуверенных шагов; но вскоре он принужден был снова сесть, так как приступ кашля согнул его чуть ли не пополам.

Никто не узнал бы Абу-Гуруна в этом сгорблленном старике с опущенными плечами, согбенной спиной и бледным лицом, покрытым синеватыми пятнами. Он произнес несколько слов, затерявшихся в густой бороде. Когда прошел новый приступ хриплого кашля, раздиравшего горло Абу-Гуруна, он продолжал более ясным голосом:

— Итак, ты видел Агуглу? Этот народ стоит путешествия. Не правда ли?

Ироническая улыбка подернула углы его рта.

— И подумать только, — прибавил он, — что когда-то, в другой стране, мы имели счастье, здоровье, вкусную пищу, золото, слоновую кость, словом, все блага, которыми одаряет людей Аллах! Увы! Я никогда больше не увижу этой благословенной страны!

В сокровенных тайниках души у нас обоих загорелись одни и те же воспоминания. Вот лес, который мы прошли, вот наши товарищи, унесенные один за другим невидимками; весь пережитый ужас воскресает в глубине наших взглядов. Абу-Гурун, читавший в моих глазах, сказал подавленным голосом:

— Я не знаю, что стало с Серуром и черными, но мне известна судьба Несиба.

Его начал душить новый сильный приступ кашля; Муни вынуждена была поддержать его, чтобы дать ему возможность перевести дух.

Оказывается, Абу-Гурун, как и я, был доставлен в пещеру. В ней уже находился Несиб. Была глубокая ночь, вода доходила до щиколоток; время от времени им бросали несколько кореньев. Однажды утром, грубый кулак одного из Агуглу толкнул их из пещеры. Пораженные ярким светом, они некоторое время стояли неподвижно, мигая глазами.

Окончив этот продолжительный рассказ, нубиец снова раскашлялся. Охватив голову руками и опервшись о колени, он продолжал:

— Я сказал «яркий свет», но, благодаря тому, что мы вышли из темноты понимать это надо относительно. Сказать правду, погода была серая, как сегодня. Перед нами, стоя вдоль откосов, жестикулировали Агуглу. Позади них женщины, раскачиваясь, как медведицы, вытягивали свои головы с покатыми лбами и мокрая шерсть их прилипала к телу. Мы с Несибом не двигались. Он только тогда понял истину, когда один из самцов, проложив себе дорогу через толпу, приблизился к нам и, как феллах, ласково треплющий рукоять своих рабочих волов, ощупал все наше тело.

Голос Абу-Гуруна оборвался от волнения. Глубоко вздохнув, он поднес к моим глазам свои худые и костлявые руки.

— Вот мое тощее тело. Ему я обязан, что еще жив.

Сильный удар грома прервал его слова. Когда гром утих, Абу-Гурун наклонился над пропастью, где, извиваясь, ползли черные тучи, и машинально протер глаза.

— Бедный Несиб! С него сорвали одежды и в одно мгновение привязали к столбу. Вокруг него ходили самки, лая, как собаки перед покойником, втягивали носом воздух и щетинили шерсть от затылка до пяток. Увидев их выпущенные когти, я подумал, что они разорвут его живым. Самец, распоряжавшийся этой толпой, поднял волосатую руку и отогнал их. Но они остановились поблизости, вытянув шею и топчась на месте.

Нубиец говорил очень тихим голосом, без жестов и даже не мигая глазами. Муни стучала ногой о землю и закинув, в своей обычной позе, обе руки на затылок, нервнокусала губы.

— Несиб бесстрастно ждал. Мы, мусульмане, горды перед лицом смерти. Ни один мускул не дрогнул в его лице, когда к нему подошел начальник клана с поднятым ножом. Оружие, описав полукруг, вонзилось в тело около плеча. И Агуглу крикнул, показывая на рану, занимавшую все предплечье: «Вот моя доля!»

Вслед за ним в порядке возраста и заслуг подошли остальные и каждый одинаковым жестоким ударом отмечал свой кусок. Тело Несиба превратилось в сплошную рану. Он закрыл глаза и только слегка шевелил губами, произнося молитвы. Кровь струилась по бедрам Несиба и дети, лежа на животе, лизали стекавшие теплые капли.

Переводя дыхание, Абу-Гурун тихо закончил:

— Задыхаясь от ужаса, я упал ничком. Меня унесли и я не видел продолжения драмы, но по поднимавшимся со всех сторон крикам мог следить за ее развитием.

Сначала я различал более крикливые голоса самок. Затем шум утих и среди жуткого молчания пронесся раздирающий уши крик. Побежденный болью, мученик, наконец, огласил воздух своей первой жалобой. В Картуме я присутств-

вовал при печальной агонии маленьких черных поросят, которых руми* убивают себе в пищу. Это было буквально то же самое. Сначала раздельные и довольно отчетливые крики Несиба учащались и делались все пронзительнее, судорожней и торопливее, пока, наконец, не слились в одно беспрерывное рычание, столь ужасное, столь захватывающее сердце, что мне казалось, будто чья-то железная рука выворачивает мне все внутренности. Затем жалоба стала глупе и подавленнее и, наконец, перешла в хныканье новорожденного.

Нубиец провел рукой по глазам. Муни плакала, закрыв лицо руками.

Гроза пронеслась и в теплом, влажном воздухе кружились целые тучи москитов. Их было так много, что я покинул Абу-Гуруна и ушел в пещеру. Ку-Ку сидела как раз у входа.

Вокруг ее пухленького, маленького тела, жужжа, крутились густые рои комаров. За ней я заметил отвратительное лицо Нау с круглым, как у совы, глазом.

Уже несколько дней Ку-Ку старается опутать его своими сетями.

Победа трудная, потому что, когда Нау сыт, его ничто не волнует.

Коварная Ку-Ку решила подловить его на гастрономическую удочку. Благодаря отсутствию зубов, кривой с трудом справлялся с косточками и, подобно многим дикарям, питал склонность к насекомым, паукам и всяким паразитам.

Ради выполнения своего каприза, Ку-Ку подставляет укусам комаров свои тонкие руки, толстую шею и шелковистые плечи. Комар, напитанный кровью, является, правда, маленьким, но очень лакомым куском. Нау наблюдает за ними, поводя головой, подобно животному. По мере того, как их плоский и прозрачный живот наполняется алой кровью, его лицо расцветает. И когда, наконец, комар становит-

* Белые, иностранцы.

ся совсем круглым, он быстро давит его пальцем и смакует, полузакрыв глаза.

К концу месяца ливни уменьшились и однажды вечером Муни сказала мне, подняв палец к серому небу:

— Вот и пеликаны возвращаются на болота. Добро пожаловать, вестники хорошей погоды!

Они плыли в пространстве правильными стаями. Все вместе, как бы одновременным взмахом ножниц, они разрезали воздух концами своих длинных крыльев. Их приближение было замечено в пещерах. Выстроившись вдоль карнизов, женщины и дети приветствовали их криками. Приставив руки рупором, Абу-Гурун крикнул им:

— Вы, большие птицы, летящие с Нила, не несете ли вы нам на своих крыльях свободу?

С тех пор, как нубиец стал поправляться, он начал мечтать о побеге и отъезде. Отдых, менее сырое жилище и более обильная пища оказали благотворное влияние на его здоровье. Одежда его была в лохмотьях. По совету Муни, принадлежащей к находчивому и изворотливому племени, мы решили заменить его одежду другой, сделанной из древесной коры. Необходимые нам деревья встречались в долине. С ловкостью обезьяны вскарабкалась Муни на выбранное ею дерево. Тонкими жгутами ниспадали ей на плечи черные с синеватым отливом волосы. Я смотрел, как она постепенно поднималась при помощи рук. Какая упругость во всех ее мускулах, какая мягкость движений, какая гибкость в ее выразительном теле, которое трепетало и переливалось под смуглой кожей! Она быстро очутилась на верхушке дерева. Держась рукой за верхние ветки и опираясь о древесный узел своими цепкими ногами, она отодрала большую полосу коры, отделившуюся целым пластом, — настолько были крепки и не поддавались разрыву его волокна. Теперь оставалось только разработать материал.

В тот же вечер принялись за работу. Мы били кору каменным молотком, постепенно разрыхляя ее; волокна растягивались, делались гибче и тягучей. Мало-помалу под ударами молота стала показываться волокнистая ткань. На следующий день кора была вымыта, вытянута пальцами и по-

вешена на куст для просушки. Она имела вид грубой материи из двух волокнистых пластов, соединенных тонкими жилками.

Ку-ку внимательно следила за нашей работой полными зависти глазами. Муни подвязала ей к бедрам кусок обработанной коры:

— Беги к ручью, Ку-ку, ты увидишь, как ты красива.

Ку-ку, придерживая ткань руками, стала важно и сосредоточенно прогуливаться взад и вперед, надувая щеки. Увидев, что Муни смеется, она остановилась, нахмурив лоб, не зная, смеяться ей самой или рассердиться. Мимо пролетала муха, она поймала ее и жадно съела. Затем снова принялась за прогулку, вывертывая внутрь ноги и не ступая на пятки.

За ней, раскрыв рот и уставясь на нее единственным глазом, плелся своей развалистой походкой Нау.

Кривой не отставал больше от Ку-Ку. Его чувства, наконец, проснулись под влиянием инстинкта, как под ударом бича. По целым часам мечтал он, сидя против своей дульчинеи и поддерживая руками свою голову, которая от собственной тяжести запрокидывалась назад. Но с того момента, как Нау попался в расставленные сети, он потерял всякий интерес для кокетки и Ку-Ку обратила все свое благосклонное внимание на Фои.

Тем временем Сао сделалась матерью. У нее родилась дочь. Соа дотащилась до водоема, тщательно обмыла своего ребенка и вымылась сама. Вернувшись, она с умоляющим видом протянула ребенка Муру. Но тот презрительно отвернулся.

По обычаям Агуглу, большая часть девочек обрекается на смерть. Но убивать ребенка Сао не представлялось надобности: молоко у матери исчезло и девочка умерла на восьмой день. Сао с трогательным упорством отказывалась этому верить. Взяв маленький труп на руки, она прижала его к сердцу, искала у него насекомых, тихонько качала, как будто баюкая, и в конце концов мертвую пришлось силой вырвать из ее рук.

Всю ночь Сао металась на своем ложе. Какие мысли осаждали ее? Брошенная Фои, занятым своею новой любовью,

она низводилась до степени домашнего животного, на посмеяние других женщин и на жертву грубостей собственных детей: вот судьба, развернувшаяся перед ее глазами.

Утром Сао успокоилась. Она решила умереть. Когда клан собрался для еды, она объявила о своем решении в ясных и коротких словах:

— Я стара, — сказала она, — мой час настал.

Мур попробовал возражать ей. Она еще молода. Кто будет заботиться о детях, из которых один всего несколько месяцев как отнят от груди?

Сао слушала его и на лбу у нее образовалась жесткая складка.

Обычай предоставлял ей право умереть: она хотела смерти, и в крайнем случае могла потребовать ее.

Когда Мур понял, что решение ее неизменно, он развел руками в знак согласия. После коротких переговоров, обряд был назначен на следующий день.

Рано на рассвете Сао разбудила своих мирно спавших детей. Они поднялись с постели и мать обняла их с сухими глазами.

Весь клан собрался на плоскогорье. В течение последних трех дней не было дождей и день обещал быть жарким. Все молча отправились в путь. Мужчины, опустив голову, шли впереди, женщины под целым роем мух двигались сзади. Среди них решительным шагом шла Сао. Ку-Ку тащилась последней; вокруг глаз у нее образовались беспокойные складки.

Мы шли по меловой почве, ослепительно блестевшей на солнце.

Высохшая от жары трава потрескалась и лопалась, как во время пожара.

Опьяневшие от света ящерицы и охотившиеся на них аисты были единственными живыми существами, которых, по-видимому, не беспокоила жара. Мы обогнули долину и справа, по другую сторону пропасти, открылся склон горы, в которой находилось наше жилище. Перед сверкающими скалами я увидел неподвижную рыжую точку. Фои, приставив руки веером к глазам, издали следил за нашей верени-

цей, развернувшейся на солнце подобно ленте красных муравьев, затерявшейся среди обнаженных скал.

— Стойте! — крикнул Мур, остановившись у входа в ущелье.

Место было зловещее, несмотря на яркий свет. Здесь мы увидели отвесно высеченный в базальте грот. В глубине находились скелеты в сидячем положении; головы их поколились на коленях и челюсти обнажали белые, стиснутые зубы.

Сао ничего этого не видела. Она прошла в грот, как во сне. Сев в угол, рядом с рассыпавшимися в прах скелетами, она больше не двигалась подобно восковой фигуре. И в удручающей тишине только слышалось лязганье ее зубов.

Шествие выстроилось в два ряда. Женщины стояли неподвижно, прислонившись к скале. Против них топтались на месте и раскачивались мужчины, размахивая в такт руками. Тяжелые ноги поднимались и опускались с рассчитанной медленностью. Порой тот или другой самец выходил из ряда и, закинув голову назад, чтобы усилить свой голос, испускал долгий пронзительный крик, затем, пятясь, возвращался на свое место и все хором испускали из своих разверстых пастей ужасающие вопли. Когда эта странная пляска закончилась, задвигались женщины. Они поочередно подходили к Сао и, склонившись перед ней, ставили к ее ногам миску из древесной коры. Это было их прощальное приношение — восьмидневный запас пищи для затворницы.

Обряд приближался к концу. Двоих самцов, отделившись от толпы, сдвинули обломок скалы и с трудом подкатили его к отверстию пещеры. Замурованная Сао будет навсегда отделена от живых.

Я не спускал с нее глаз. Она по-прежнему не двигалась, но смертельный ужас отразился на ее лице. На нем блестели две зеленые точки, похожие на зрачки загнанных охотником диких зверей, которые ищут убежища в норе, чтобы там и умереть.

IX

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Восемь дней спустя я услышал в первый раз скорбный стон Сао.

Крик замурованной, бившейся в агонии вдали от дневного света, оглашал горизонт, пролетал над долиной и доходил до нас, страшный и похожий на крик раненой львицы.

Он замолк с наступлением ночи, но утром начался снова, еще более мучительный, чем накануне. В ужасе я закрыл голову руками; Фои, приподнявшись на подстилке и положив локти на колени, тоже слушал вопли Сао, которые отдавались, как эхо, под сводами жилища. Наши взгляды встретились; он отвернулся, встал и вышел. Когда он возвратился в сумерки, вопли не прекращались. Только ветер приносил нам их более хриплыми и заглушенными; это было продолжительное клокотанье, выходившее из обессиленного горла. Фои, бесцельно бегавший целый день, спасаясь от этих криков, опустился рядом со мной. Его рука искала моей и сжала ее.

— Фои, — сказал я, — она зовет тебя.

Он ответил, покачав головой:

— Сао добровольно удалила себя от племени; наш обычай запрещает помогать ей!

Я настаивал, пристально глядя ему в глаза:

— Ты неискренен, Фои; ты говоришь так потому, что больше не любишь ее.

Он провел руками по лбу:

— Ах, я был сумасшедшим. Но со вчерашнего дня все кончено. Теперь меня от Ку-ку отделяет то, что нельзя вычеркнуть из памяти.

Вой Сао раздавался все отчаяннее. Он окончился на этот раз таким жалким рыданием, что я почувствовал, как ледяной холод пробежал по моим костям.

— Если ты говоришь правду, не жди дольше, Фои; завтра, может, будет слишком поздно.

— Ты прав, — ответил он после короткого молчания. — Я пойду за ней сегодня ночью.

Солнце исчезло за вершинами и, как накануне, стон замолк.

— Слушай, — прибавил Фои взволнованным голосом, — я сейчас отправлюсь, иди со мной. Я не могу привести Сао обратно в жилище; мы уйдем все трое далеко отсюда; позже, если захочешь, ты сможешь покинуть нас в любое время.

Эти слова сорвались с его уст помимо его воли, под инстинктивным импульсом, зародившимся в темных глубинах его разума и сердца.

Я отказался наотрез.

— Могу ли я это сделать, Фои? Моя судьба связана с судьбой моих товарищих. Мы уйдем или вместе, или я останусь с ними.

Он опустил голову и задумался.

— Скоро прекратится сезон дождей. Близок день, когда вас поведут со связанными руками к патриарху Агуглу.

Я вспомнил слова Муни. Она упоминала это время.

— Успокойся, прибавил Фои, — я постараюсь вас спасти.

Он осторожно оглянулся и продолжал, понизив голос:

— Предупреди своих товарищих и будьте готовы завтра к вечеру. До тех пор я спрячу Сао в надежное место. Когда все заснут, подождите меня на площадке, я приду за вами.

Наши сборы были коротки. В назначенный час мы втроем сошлились на площадке, прижавшись вплотную к скале, чтобы избежать лунного света.

Мы смотрели молча, как на небе поднимались четыре симметричных звезды Южного Креста. Но вот короткий, заглушенный свист заставил нас насторожиться. В ту же минуту лицо Фои появилось над карнизом. Вслед за ним мы нырнули в пропасть.

Когда мы достаточно удалились от жилья, Фои спросил нас:

— В каком направлении мы пойдем?

— К хребтам, — ответила Муни.

— Само собой, — прибавил Абу-Гурун, — это ближайшая дорога.

Фои вопросительно посмотрел на меня. Я понял, что дорога к хребтам представляла, по его мнению, неудобства.

— Какова наша цель? — сказал я в свою очередь. — Убежать от Агуглу? Следовательно, мы должны пойти по той дороге, которая скорее всего выведет нас из их местности.

Это было наиболее разумное решение. Фои пальцем указал нам на гору:

— С этой стороны я не могу ни за что ручаться, потому что этим путем по ночам проходят охотники.

Он повернулся к долине, где сгущалась тьма.

— Вот этим путем мы доберемся к ночи до высокого леса и укроемся там.

Он пошел впереди. Мы следовали за ним на некотором расстоянии, прячась, как и он, за каждой выемкой земли, за каждым кустарником. Муни шла рядом со мной. Вдруг я заметил слезу, дрожавшую на ее ресницах.

— Мужайся, крошка, скоро ты увидишь свою деревню.

Она ответила своим мягким голосом:

— Если только ты захочешь, отныне моей деревней будет твоя.

В отдалении еще смутно чернели леса, когда наступило утро.

Около нас расстипался пруд, окаймленный и окутанный предрассветными туманами. Фои пробрался в камыш, который замкнулся за ним. Затем он тихо позвал нас:

— Вы будете здесь в безопасности, ожидая наступления ночи. Ни под каким предлогом не двигайтесь до моего возрвщения.

Он ушел, старательно расправив помятый нашими ногами камыш.

Пруд уже пробуждался. Ибисы, цапли, чирки, лисухи проявляли признаки жизни. Со всех сторон слышался писк, щебетанье, свист, щелканье клювов и шум крыльев.

От нагретой солнцем воды скоро стали подниматься испарения. Забегали бесчисленные черепахи. Сначала один крокодил, затем другой прорвали мордой неподвижную скатерть воды. Там и сям появились блестящие спины и розовые морды гиппопотамов.

Таким образом, первые часы прошли в том, что мы наблюдали за пробуждающейся всюду жизнью и вдыхали аромат влажных трав. Но скоро, по мере того, как солнце подымалось горизонтом, нас начала одолевать скука. Мало-помалу животные, оживившие поверхность озера, укрылись под защиту камышей. Абу-Гурун, растянувшись во весь рост, смотрел в небо и начал рассказывать нам свои басни.

Муни внезапно прервала его:

— Посмотри-ка, — сказала она, — там происходит что-то странное.

Ее палец указывал налево, на маленький мыс, который среди камышей и папирусов вдавался в пруд. На конце мыса возвышался печальный голый тамаринд, потерявший почти всю листву и погрузивший свои корни в тину.

Стада обезьян-хульманов сверху донизу усеяли иссохшие ветви умирающего дерева. Лицом к солнцу, в лучах которого сверкали длинные серебристые волосы их шубеек, они гуще уселись на концах нижних веток. Их крики и тревожные движения выдавали сильное волнение.

Абу-Гурун устремил в их сторону свои острые глаза и, приглядевшись, сказал:

— Посмотрите на низ мыса; причина их волнения прячется в тине.

Он осторожно раздвинул камыши, мешавшие глядеть. И вот мы заметили в двадцати метрах от себя крокодила, наполовину зарывшегося в тину, и ползшего между корнями; его чешуя была сплошь покрыта зеленоватым мхом. До-Зраввшись до солнца, раскаленные лучи которого падали на него отвесно, он сложил обрубки своих лап и, полузакрыв глаза, замер в неподвижности.

Обезьяны замолчали. Наклонив хитрые головы над берегом, они молча следили за чудовищем.

Наиболее смелая, уцепившись концом хвоста за ветку, вдруг опрокинулась вниз. Затем мы увидели, как она принялась изо всей силы сжатыми кулаками колотить огромное животное по спине. Это произошло почти мгновенно. Одним броском своего гибкого тела она снова уже была под защитой тамаринда, где ее встретил оглушительный кон-

церт товарищей. За ней то же самое проделала вторая обезьяна, потом третья. Под их непрерывными ударами перегретая чешуя крокодила начала выделять густой пар и звучала, как барабан.

— Однако, эти щельмы обнаглели, — сказал Абу-Гурун, проявляя живейший интерес к происходящему. Огромная ящерица, до сих пор бесстрастная, наконец возмутилась. Она ударила хвостом по воде и громко щелкнула челюстями. На нас пахнуло сильным и тошнотворным запахом мускуса, который она распространяла вокруг себя.

— Обрубок начинает вонять, когда сердится, — заявил Абу-Гурун. — Обезьянам пора прекратить игру, если они дорожат своей шкурой.

Но неосторожные вошли во вкус. Каждая из обезьян ждала заткнуть за пояс товарку и стяжать пальму первенства. Наконец, самая легкомысленная из них, словно совсем обалдев, отпустила ветку, за которую уцепилась, прыгнула верхом на чудовище и обеими руками забарабанила на его спине неистовый марш.

Крокодил вскипел от гнева Он скорчился, нырнул, появился снова и, чуть не согнувшись пополам, быстро повернулся вокруг самого себя. Вода, взметнувшаяся спопом, скрыла от нас конец драмы. Но среди водяных брызг мы успели заметить маленькое тело, бившееся в страшных зубах: обезьяна медленно погружалась в глубь солоноватой воды, с выкатившимися глазами и искривленным от ужаса ртом.

Пруд снова погрузился в ясную безмятежность сна. Свесившись со стеблей, плотоядные орхидеи, под роем мух, полуюткрыли свои прожорливые губы. Иногда из гущи папирусов с резким криком автомобильного гудка снималась болотная птица и улетала, распластав зубчатые крылья и вытянув к солнцу свою гибкую, как у змеи, шею.

Наконец, солнце закатилось. Мы еще никогда так страстно не ждали наступления ночи. Малейший шум пробуждал в нас страх. Уж не шел ли Фои? Раздвинув высокие стебли папируса и камыша, мы внимательно оглядывали берег, но наша надежда всегда нас обманывала.

И вот кваканье лягушек огласило воздух. Через правиль-

ные промежутки времени, жаба стала трубить в свою трубу. Вдали заревел слон. Пришедшие к водопою носороги грубо вытаптывали камыши. Подняв лапу и устремив в нашу сторону светящиеся во мраке глаза, пантера, заметив нас, замякуала, плюнула, вытянула волоски своих усов вдоль морды и в один прыжок исчезла.

Нет, решительно, Фои не придет. Мы покинули наше убежище в камышах, но тем не менее, все же не решались отдалиться от берега пруда.

Когда розовая полоса возвестила о наступлении утра, мы увидели, наконец, того, кого ждали.

Он бежал по склону холма, оглядываясь назад. Увидев нас, он поднял руки к небу и, еле переводя дух, крикнул нам:

— Скорее прячьтесь в камыши: они напали на мой след, нельзя терять ни минуты!.

Увы! Было уже поздно, так как отпечатки наших ног ясно виднелись на берегу.

Час спустя, связанные вместе, мы под гиканье и крик тащились обратно по дороге к жилищу.

Жалобно причитая, плелся Фои, руки которого были связаны вместе с руками Абу-Гуруна.

— Успокойся, — сказал ему нубиец, — это было написано в книге судеб.

Он прибавил, проводя руками по лбу:

— Все пути — прообразы жизни. Так или иначе, они приводят нас к концу наших дней.

Нас заперли всех четырех — Абу-Гуруна, Муни, Фои и меня — в пещере, которая уже раньше служила мне тюрьмой. Я нашел там ту же прохладу, тот же мрак, ту же тишину, прерываемую падением водяных капель, стекавших по сводам.

Мы долго не говорили ни слова. Внезапно раздался голос Фои, отраженный скалой.

— Это моя вина. Зачем я возвратился в жилище? Очень надо было мне интересоваться, какое впечатление произвело наше бегство!

Муни прервала его:

— Оставим это; лучше сообщи нам о Сао. Ее-то, по крайней мере, тебе удалось спасти?

— Да, — ответил он, — я отвел Сао к ее племени. Когда вы будете свободны, я отправлюсь к ней.

Увы, будем ли мы когда-нибудь свободны?!

X

КАА

— Вставайте! — крикнул Мур, появляясь на пороге пещеры.

— Боже мой, час наступил! — вздохнула Муни, искавшая моей руки, чтобы сжать ее в своей.

Со времени нашего неудавшегося бегства, мы каждое утро ждали этого неизбежного трагического момента.

Нас собрали на плоскогорье, над жилищами. Там я, к моему горю, был разлучен с моей подругой. Среди толпы других женщин, намеченных в дар патриарху, она поднялась на цыпочки, чтобы бросить мне последний взгляд, когда отряд, к которому я принадлежал, тронулся в путь.

Погода была пасмурная.

Из предосторожности нам крепко связали руки волокнами рафии. Мы шли так под густым ледяным туманом, Абу-Гурун, Фои и я, окруженные шумной толпой Агутлу, не спускавших с нас недоверчивых взглядов.

По мере того, как мы приближались к высоким вершинам, дорога делалась все затруднительней среди потоков лавы и шлака, вздувавшихся от кипения и просверленных подземными парами; в продолжение тысячелетий воды гнали эту лаву по склонам гор. Когда туман рассеялся, появилась местность, где царил ужас полного хаоса. Почва была всучена, исковоркана, изрыта попеременными приступами потоков и подземного огня. На склонах горы виднелись естественные пещеры с узкими входами, закрытыми кустарником.

— Это здесь, — тихо сказал Фои.

Он указал на глубокую нору, всю изборожденную выбоинами и изрезанную корнями молочая, образовавшими на откосе нечто вроде витой лестницы. Устремив глаза вверх во избежание головокружения, мы начали спускаться гуськом, цепляясь за корни растений и выступы скал, служившие нам точками опоры.

И гора поглотила нас своей темной пастью.
Не в царство ли ночных птиц мы попали?

Испуганные нашим приходом летучие мыши, летучие собаки, галки, совы и козодои в тревоге забили крыльями по скалам.

Мы шли в глубоком мраке, вытянув вперед руки, спотыкаясь о выбоины, на каждом шагу ударяясь лбом о выпуклости свода. Большие капли стекали со сталактитов, падали на наши плечи и беспрестанно ударяли по рукам и коленям.

Это шествие во тьме продолжалось несколько часов. Внезапно Агутлу, ведший нас по этому лабиринту, обернулся в трудном месте. Блеск его глаз странно усилился.

Им была озарена вся верхняя часть его лица.

— Не грежу ли я? — спросил меня в то же время Абу-Гурун. — Посмотри на это удивительное животное у наших ног.

Это был маленький краб, панцирь которого пыпал, как уголь, и который быстро прошмыгнул между камнями.

Дальше мы наткнулись на тысяченоожку, влачивающую в пыли свое фосфоресцирующее тело. Испуганная шумом наших шагов, она постепенно потухла, как будто бы повернула кнопку коммутатора.

Но еще много поразительного ждало нас впереди.

Когда туннель расширился, открывая вход в пещеру громадных размеров, нам представилось изумительное зрелище. Пораженный Абу-Гурун отступил и невольно поднес руки к глазам.

Перед нами расстилались стоячие воды, которых никогда не волновало ни малейшее дыхание ветерка; они были как будто зажжены и пожираемы внутренним пожаром, плававшим в их бездонной глубине. Их неподвижная скатерть раскинулась во всю ширину пещеры, почти касаясь обеих боковых стен; она сверкала огненными каплями иискрилась молниями, блестевшими от одного берега к другому. Сколько в природе разнообразия, многогранности и неожиданностей!

Как бесчисленны ее создания! Кто мог подозревать, что в своих таинственных недрах, в самой внутренности земли,

она откроет мне с неисчерпаемой расточительностью картину, сходную с той которая открывается в глубине океана!

— Где мы? — повторял мне свои впечатления Абу-Гурун. — В какой заколдованный стране, у какого принца из «Тысячи и одной ночи»?

Сидя на берегу озера, на мелком песке из остатков раковин, мы в изумлении смотрели на развернувшуюся перед нашими глазами картину. У самого подножия скалы, как изумруды и сапфиры, кишили бесчисленные креветки; раскаленные добела мелкие червячки беспрестанно то зажигали, то тушили свой блеск.

В середине озера живое вещество, образованное из микроскопических личинок, покрывало поверхность воды какой-то студенистой массой, которая, чередуясь слоями, то блестела слабым зеленоватым светом, то отливалась опаловым блеском. Между этими двумя поясами вод, как будто привешенные за нитку осьминоги и гидры двигали своими щупальцами, от каждого движения которых как будто стекали слезы из расплавленного металла*.

Ниже начиналось царство крупных рыб. Некоторые из них, с овальным туловищем, покрытым бугорками, были похожи на полированный шар или электрическую ампулу. Другие, среди которых находились сомы с плоской головой и щуки с косым ртом, зажигали каждым движением своих плавников целый фейерверк.

Один из Агуглу положил мне на плечо свою волосатую руку и оторвал от созерцания этих красот.

— Иди за мной, — сказал он, — Кaa хочет говорить с тобой.

Я пошел с ним один, мои же спутники, присоединенные к стонущей группе узников, исчезли в другом направлении.

* О способности некоторых животных самосветиться в водах, недоступных солнечному свету, см. книгу д-ра Жубена «Жизнь в океанах» (изд. Фламмариона). (*Прим. авт.*).

Куда вели меня по этому запутанному подземному лабиринту?

Обширные, глубокие и высокие залы сменяли одна другую. Последняя имела подобие соборного нефа, центр которого занимало озеро. В глубине зала, глубоко в скале была высечена апсида, в которую доходил только рассеянный свет. Там, при таинственном освещении, кристаллические образования, желтые и голубые отложения, различные пластины осадков с вкрапленным в них известняком или покрытые кремнеземом, принимали блеклые оттенки редкой нежности, неуловимой, как пыльца на крыльях бабочки.

Внезапно в глубине апсиды, в зеленоватом сумеречном полусвете, моим глазам представилась картина, к которой я приближался с каждым шагом, и которая поразила и привела мой взгляд.

Центр картины занимал патриарх. Это был сухой старик, по-видимому, обладавший еще геркулесовой силой. Редкая шерсть, изъеденная годами, обнажала голую сморщенную кожу, на которой жилы образовали то вздувавшиеся, то опускавшиеся узлы. Его руки, никогда не находившиеся в покое, бегали по груди, ощупывая ее, а за впалыми щеками с мешками, как у обезьянь, он беспрестанно перекатывал какой-то таинственный плод.

За ним, в качестве почетной стражи, молча и неподвижно стояли прекрасно сложенные юноши, цвет кожи которых был различен: от белого с чуть смуглым оттенком до черного, как сажа. Среди них я узнал нубийцев с длинными носами, Монбутту, волосы которых были украшены иглами дикообраза, тикkitисов, живущих на деревьях и оливковых Гурунгуруссу, стоявших на одной ноге и вытягивавших шеи, как цапли на болоте.

В рамке этих разноплеменных людей стояла белая женщина самой чистой крови, опустив руки вдоль бедер и закрыв лицо огненной волной распущеных волос.

Волнение, охватившее меня при виде ее, сделалось еще острее, когда я заметил у ее ног, игравшим в пыли, тщедушное, но прелестное маленькое существо, туловище которого, покрытое рыжим пушком, отличалось, несмотря на этот

животный признак, нежным изяществом детства. Встревоженное моим присутствием маленькое существо бросилось к матери, мило ковыляя на своих слабых ножках. Его глаза, в которых светился разум, не отрывались от моих. Они, казалось, ловили на моем лице чувства, переживаемые моей душой в эту минуту странного смущения.

Голос Кая, со свистом вылетавший из его беззубого рта, вернулся ко мне к действительности.

— Мне сказали, что ты повелитель огня. Я приказал привести тебя ко мне, чтобы узнать твою тайну.

Огороженный, я не знал, что ответить. Он сказал более настойчивым тоном:

— Говори, твоя жизнь зависит от твоей откровенности.

Сложив руки на груди, я искал слов, чтобы начать объяснения. Но он не дал мне подумать:

— Посмотри.

Нетерпеливыми шагами патриарх приблизился к озеру, мутные воды которого грызли нижнюю часть подземной пещеры. Там его рука тяжело опустилась на одного из чернокожих его свиты. И тот, не издав ни единого звука, с трясущимися ногами, даже не попытался оказать сопротивление. Под предательским толчком он опрокинулся в пустоту, не испустив ни одного крика.

Когда вода получила свою добычу, я увидел, как глубина озера начала постепенно озаряться светом. Он поднимался, растягивался в ширину и длину, подобно свету электрического маяка. И, наконец, засверкал ярким блеском, достигнув поверхности.

С минуту человек был в центре этого огня. С расширенными от ужаса зрачками, он судорожно вскидывал руками, хватался ими за воду, ища точку опоры и затем малопомалу начал погружаться, как будто схваченный и увлекаемый невидимым чудовищем.

Ни одной капли крови не всплыло на поверхности воды. Так же медленно, как появился, свет ослабел, опустился вниз и, наконец, потух в глубине.

Когда последняя зыбь, помутившая поверхность воды, сгладилась, патриарх мерным шагом вернулся к своему мес-

ту в глубине ниши.

— Теперь ты решился говорить?

— Я не повелитель огня и не могу вызвать его по своему желанию, — ответил я Каа. — Мне необходимо солнце, которое светит над землей. Разреши мне подняться на свет. Возвратясь, я принесу тебе огонь.

Немой смех растянул лицо патриарха до ушей:

— Ты, очевидно, издеваешься надо мной.

— Я тебе повторяю, без солнца, светящего вверху, я не могу ничего сделать.

Его глаза налились кровью от гнева, и он поднялся, сжав кулаки. Я погиб бы безвозвратно, если бы молодая незнакомка не положила руки на его плечо и не принудила его сесть. Она заговорила полушепотом, стараясь убедить его. Ее склонившийся к патриарху стан подчеркивал изящество фигуры. Волна расплавленного золота ее волос откинулась, и я увидел жалкое измученное лицо, черты которого когда-то были, несомненно, очаровательны, но горе, заботы и лишения совершенно изменили его. Слезы разъели веки и прорвали глубокие борозды на щеках.

Упрямо нахмурив лоб, патриарх слушал ее с недовольным видом. Заметив мое волнение, он, без сомнения, ошибочно истолковал его. Его руки раскрылись, как два чудовищных паука, и, сомкнув их вокруг своей жертвы, он бросил ее к моим ногам с диким хохотом:

— Хочешь ее? Она твоя, если ты мне дашь огонь!

Женщина поднялась, не испустив ни одной жалобы. Только несколько капель крови заалели на ее коленях.

Тогда произошла трагическая сцена, которая никогда не изгладится из моей памяти...

Ребенок, точно от толчка внутренней пружины, выпрямился на своих маленьких ножках, подбежал к патриарху с взъерошенной шерсткой и выпущенными когтями и вонзил в толстую часть икры Каа свои маленькие острые зубы.

Тот взвыл по-звериному. Схватив малютку за ноги, он завертел им в воздухе, как камнем в праще. Еще секунда, и старик разбил бы череп ребенка о скалу.

Но мать не дремала. Выпрямившись на дрожащих ногах,

закусив губы, она приближалась, подобно разгневанной богине. Обхватив руками патриарха, она запрокинула ему голову и вперила свой взгляд в глубину его зрачков. Рука патриарха тотчас же разжалась, он оставил полузадушенного ребенка, и его большое зверское лицо склонилось на грудь.

— Прости меня, — пробормотал он, глубоко вздыхая, — я потерял разум.

Еще минуту она держала Каа под властью своего взгляда.

Убедившись, что он безопасен, она сказала:

— Зачем напрасно раздражаться? Разве у этого человека нет подруги? Позови ее. Она одна найдет в своем сердце слова убеждения.

Какую цель преследовала она, говоря таким образом?

Я искал ее взгляда, чтобы прочесть в нем ее мысль, но она упорно не поднимала век.

Когда она, наконец, подняла глаза, Муни была рядом со мной.

— Послушай, дитя мое, — сказала молодая женщина, дружески кладя ей руку на плечо. — Твоя жизнь и жизнь твоих товарищей теперь в наших руках. В гроте, который будет служить вам тюрьмой, твой друг объяснит тебе, чего ждет от него патриарх. Убеди его повиноваться, так как до тех пор, пока он не уступит, вы не получите ни еды, ни питья.

Я в изумлении смотрел на нее. Не сошла ли она с ума? Должен ли я был ее считать своим врагом? Ужас и беспокойство заставляли биться мои артерии, в ушах стоял несколкаемый шум.

Мое волнение скоро улеглось. Я поймал ее взгляд, брошенный из-под ресниц; в то же время лукавая улыбка скользнула в углах ее рта.

Грот, в котором нас заперли по приказу патриарха, представлял собою сырую и мрачную пещеру. Светящиеся мокрицы и тысячеченожки озаряли стены вспышками перекрестных огоньков аквамаринового цвета. В одном углу, где в продолжении долгого времени накопилось немногого чернозема, маленькие грибки из породы опенков, как ночники, разливали вокруг себя слабый свет.

Наши сторожа удалились, старательно привалив ко входу тяжелую порфировую глыбу. И вот я и Муни остались одни, прижавшись друг к другу, подавленные хаосом перепутавших мыслей. Каждый молча отдавался своим думам, взвешивая шансы за и против освобождения, когда неожиданное появление Фои и Абу-Гуруна прервало наши размышления.

Нубиец при виде нас протер глаза.

— Аллах велик, потому что позволил нам умереть вместе!

Его голос, отраженный скалой, прозвучал в тишине так звонко, как будто был передан металлической пластинкой.

В нескольких коротких словах я рассказал ему о всем происшедшем.

— Не смеешься ли ты? — прервал Абу-Гурун. — Чтобы дать огонь, нет надобности в солнце. Достаточно нескольких веток и осколка кремния.

— А где я найду их?

Его нос хищной птицы опустился на сжатые губы. С потолка быстро и беспрерывно, с упорной размеженностью, падали большие капли все на одно и то же место.

Тогда раздался голос Муни, призывавший нас к надежде:

— Если бы ты, Абу-Гурун, видел, как видела я, в пещере патриарха молодую женщину, внушившую мне доверие, если бы ты заметил царственное обаяние ее личности, если бы ты слышал звук ее голоса, то не отчаялся бы в нашей судьбе.

Маленькая Муни, ты была права! Едва ты успела сомнуть уста, как появилась та, о которой ты говорила.

— Не двигайтесь, — сказала она, поднося палец к губам, — слушайте, не подавая вида; сзади меня стоят сторожа, они следят за мной.

Женщина откинула рукой непокорные пряди отделившихся волос. Ее взгляд светился сквозь них, чистый, как капли воды между ветвями дремучего леса.

— Сейчас, после моего ухода, старательно исследуйте дальний угол грота. Когда-то я томилась в этой тюрьме: там бы-

ло маленькое отверстие, закрытое сталактитами, которое вам легко будет увеличить, чтобы сделать проход. За ним находится беспрерывный лабиринт с бесконечными узкими коридорами. Там обитает только тьма; где конец этого лабиринта, — я не знаю, так как, к несчастью, никогда не осмеливалась исследовать его, боясь мрака. Но выход, несомненно, существует. Сколько раз, во время бессонных часов, я слышала лай гиен, пробирающихся сюда и бродящих во тьме. Не благодарите меня. Действуйте быстро. Нужно, чтобы вы были далеко, когда Каа, подозрения которого просыпаются, придет удостовериться сам в том, что его приказания исполнены.

Мы слушали, задыхаясь, как тонущие, которых чья-то рука вытягивает из бездны. Муни бесшумно подползла на коленях к молодой женщине и дотронулась губами до ее руки.

— Пойдем с нами! — горячо сказала она ей.

Я увидел, как зрачки незнакомки дрогнули, точно пла-мя от чьего-то дуновения:

— Разве я могу оставить моего ребенка?

Понимая, что речь идет о нем, малютка поднял свое оживленное лицо. Она страстно сжала его в объятиях.

— Возьми его с собой, — настаивала Муни, — отныне мы будем любить его вдвоем.

— Куда я приведу его, если даже он выдержит трудности пути? К мужу? За истекшее время он, конечно, забыл меня. Предположим даже, что он еще любит меня, но как примет он этого, чужого ему ребенка?

Слеза показалась на ее ресницах, — единственная слеза, — она упала и покатилась вдоль щеки, похожая на янтарные капли сока, катящиеся из раны свежих плодов. Она вытерла слезу, нашла силы улыбнуться краем губ и, пятясь, вышла, снова прижав палец к губам.

Я никогда больше не видел этого неизвестного друга, прошлое которого, его несчастье, происхождение и даже имя мне так и остались неизвестными.

Когда она ушла, Фои низко согнул спину и, ощупывая руками стены, обошел пещеру.

— Я нашел, — объявил он после довольно долгого молчания.

Он взял мою руку и положил ее в трещину, почти совершенно закупоренную известковыми отростками, через которые даже барсук с трудом проложил бы себе дорогу: нежные и хрупкие, отростки лопались, как куски стекла.

— Ты подвижнее всех нас, — сказал я Муни, душа которой прыгала от радости, — отойди в глубину грота и по наблюдай за сторожами. Положи там наши одеяльца, чтобы заглушить звуки и не вызвать тревоги.

— Бояться нечего, — сказала она нам по возвращении.
— Один из сторожей собирает раковины на берегу озера; другой крепко спит и тякает во сне, как шакал, которому снится добыча.

Радость переполнила нас.

Когда сталактиты рассыпались под нашими пальцами, Фои первым полез в отверстие. Мы последовали за ним, извиваясь на животе, как змеи.

— Ну вот мы и выбрались! — объявил нам Фои, по голосу которого мы все время держали направление. — Подымите головы: теперь, даже подняв руку, не достать потолка.

Ледяной холод пронизывал нас. Окоченев, мы подвигались среди гулкой темноты. Всякий след светящихся животных исчез. Тьма сделалась такой густой, что давила наши плечи, как тяжесть.

Мы шли осторожно, маленькими шагами, вытянув вперед руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Скользкая почва делалась все мокрее. Время от времени из боковой галереи вырывался ручей и холодная вода заливала нас до половины туловища. Тогда мы взбирались ощущью на выступы остроконечных стен и пробирались по ним до тех пор, пока поток не устремлялся целой массой в пропасти, казавшиеся бездонными.

Фои, кошачьи глаза которого пронизывали тьму, объявлял нам о каждом препятствии.

В тишине раздавался его голос:

— Внимание, согните колени, свод понижается!

— Впереди поток! Поверните направо, цепляйтесь руками

ми за карниз! Смелей! Переход очень труден; прижимайтесь к стене, — доверьтесь моим глазам!

Сколько времени плутали мы по этому лабиринту? Сутки? Часы? Сорок часов? Как определить? Для нас не было ни дня, ни ночи!

Выбившись из сил, мы сделали маленькую остановку. Локоть к локтю, мы дали себе передышку. Приближался час, угрожавший нам смертью от истощения и усталости. И снова начинался невыносимый путь... выше... все выше... так как мы выбирали по преимуществу галереи, шедшие вверх, чтобы каждый шаг приближал нас к солнечному свету.

Что касается меня, то я отчаялся увидеть его когда-нибудь снова, как вдруг мне показалось, что тьма стала реальность. Не ошибся ли я? Или действительно, там, на мокрой стене, виднелся неопределенный свет? Не говоря ни слова, я ускорил шаг, жадно наблюдая за заметным усилением света на стене. И внезапно, на одном неожиданном повороте, очень далеко, в глубине галереи, где мы уже готовились к медленной смерти, я заметил маленькую белую точку, похожую на световое кольцо вокруг далекого фонаря.

О радость! Это был дневной свет!

Мы сразу остановились. И затем, охваченные одним порывом, бросились бежать к обретенному свету!

XI

НА ГОРНЫХ ХРЕБТАХ

Где мы?

Очевидно, на высотах, так как отверстие подземелья вывело нас к истрескавшейся от холодных ветров горной вершине.

Деревья с темной листвой, сверху донизу покрытые растительной ржавчиной, как футляром из старого серебра, клонили к земле отягченные лишайми ветви.

Эти развенчанные владыки молчаливых высот обезглавлены ураганом, искалечены молнией и тянутся вверх своими ветвями, которые расположены правильными рядами, как у кедров.

Вздрагивая под ветром, они похожи на торжественную процессию вдов в трауре, развевающих свои покрывала над могилами.

Налево от нас большие, гонимые ветром тучи закрывают весь горизонт. Направо, наоборот, прозрачный воздух открывает безграничные дали.

Стоя под порывами ветра, Муни указала мне пальцем на скалы, залитые солнцем.

— Посмотри, вон где мы жили. Этот холм, залитый светом, скрывает от нас пещеру, но вон и наша долина, ее потоки, ее стены из розового песчаника. А там, вдали, в колыхающейся лазури, видишь пруд, над которым летают стаи птиц?

Абу-Гурун наклонился, чтобы лучше видеть.

— Возможно ли? Мы находимся так близко? Мне казалось, что мы шли под землей больше недели!

Внезапный дождь налетел сзади на Фои, взъерошил его рыжие волосы, и сквозь свист ветра Фои крикнул нам.

И снова нас поглотили испарения.

В глубине трещины, защищенной от холодных воздушных течений, мы ждали, пока их разгонит ветер.

Когда солнце поднялось высоко, облака пришли в движение и начали таять.

В этот момент нас ослепило неожиданное зрелище.

Разрывая туман, длинная снеговая цепь стала постепенно сбрасывать свой облачный плащ. Сначала показалась скалистая, остроконечная, чистая, как алебастр вершина, затем целый ряд игл, ребер, острых шпицев, которые спутывались, перемешивались, переплетались в ярком свете; скоро на синем небе обрисовывались очертания гиганта, где ледники образовали бесконечные, белоснежные поля*.

Абу-Гурун, руки которого трепетали под плащом, как обессиленные крылья, воскликнул со свойственной ему напыщенностью:

— Вот, наконец, и ты, отец и кормилец равнин Египта, ты, чьи склоны укрывают истоки Нила.

Муни со слезами на ресницах протянула палец, обводя в воздухе контур цепи:

— Да, это вы! Я узнаю вас, горы моей страны! Ваши крутые склоны поднимаются над деревней, где я родилась!

Сто километров по прямой воздушной линии едва отделяли нас от горы, но глубокая долина лежала между ней и нами. А в ней дремал девственный лес, неумолимый и угрюмый. Углубиться в его чащу и пройти его насквозь было бы,

* Речь идет, очевидно, о Рувензори, на языке банту Рувензу-руру (король облаков, производитель дождей). Древние египтяне называли его Серебряной горой, а Птолемей упоминает о ней под именем Лунной горы. Цепь Рувензори почти всегда закрыта густым туманом; в первый раз ее мельком увидел в 1864 г. Беккер, затем более внимательно рассмотрел Стэнли в 1888 г., и, наконец, исследовали ее Мур и Фергюссои в 1901 г. Только в 1906 г. экспедиции герцога Абруцкого удалось подняться на самую высокую вершину, возвышающуюся на 5126 метров.

Озера в этой местности бесчисленны. Все как будто указывает на то, что деревня, в которой родилась Адуаде Муни, находится на южном конце цепи, около озера «Альберт Эдуард». Как раз в этой местности исследователи указывают на одно племя (Байма) эфиопского происхождения, по чертам лица и обычаям приближающегося странным образом к египтянам до покорения их мусульманами. *P. M.*

очевидно, самой короткой дорогой. Но я уже по опыту знал ужасы, таившиеся под его высокими сводами.

— Останемся на плоскогорьях, — настаивал нубиец, — этот лес представляет собой оранжерею, где влажная теплота создает атмосферу бани. Я видел, как многие из моих товарищей проникали туда с горящими глазами и улыбкой на губах. Лес смыкался за ними как волна за рулем. Что нашли они под его негостеприимными сводами? Отраву, болезнь или клыки хищных зверей? Лес ревниво охраняет свои тайны: ни один из них не вернулся!

Он говорил, а мои глаза не отрывались от неподвижно спавшей громады, как будто изнемогавшей под слишком плотным воздухом. Местами от верхушек деревьев подымался дым, как кипучие струи пара из щелей котла.

Фои отправился на охоту и вернулся после полудня с зайцем, пойманном в силок.

Муни взвесила его на руке, вытянув свой маленький кулачок.

Заяц, которого она держала за уши, уставил на нас открытые глаза, затемненные смертью.

— Дай лупу, — сказала она, — я приготовлю жаркое.

Но тщетно шарил я руками в кармане, — лупа затерялась во мраке подземелья.

— Успокойся, — объявила Муни, — я зажгу огонь по способу моей родины.

Она подула на пальцы, окоченевшие от ледяного ветра.

— Шевелись-ка, Абу-Гурун! Там, в этой трещине, должен быть сухой мох. Принеси мне его.

Абу-Гурун удалился, волоча ногу.

Муни проводила его взглядом, покачала головой и направилась к группе боярышников. На одном из них висели маленькие румяные яблочки. Она надкусила плод, а затем, выбрав маленькую ветку, сломала ее концами пальцев.

— Это как раз то, что нужно, — сказала она, — я отвечаю за успех, дай мне только кусок мягкого дерева!

Я указал ей рукой на утлый молочайник, который как бы в отчаянии поднимал к небу свои ветви в виде канделябра. Муни побежала, щелкнув пальцами. Возвратясь, она поз-

вала нубийца, задержавшегося в скалах. Его добыча была очень ничтожна: под мышкой он нес связку сухих веток, а с конца пальцев правой руки свешивалось несколько лишаев ржавого цвета.

Муни присела и для того, чтобы защититься от свежего ветра, дувшего на нее сзади, собрала на плечах полы своей грубой юбки. Между коленями, на подстилку из сухих листьев, она положила лишай, сверху же тонкий ствол молочайника, который придерживала своими голыми ногами. В середине этого ствола Муни сделала отверстие, куда вставила конец ветки боярышника. Когда все эти приготовления были закончены, она крикнула своим звонким голосом:

— Считайте до двадцати и огонь загорится!

Ветка боярышника завращалась в руках Муни, придавшей ему очень быстрое движение. В то же время ее пальцы скользили сверху вниз, чтобы усилить трение.

Все произошло мгновенно, как молния.

Мягкое дерево загорелось, сверкнула искра и зажгла в свою очередь лишай. Мы вчетвером зябко жались вокруг костра. Пламя трещало все веселей и живей. Заяц тихонько поджаривался, на палке, которую Фои и Абу-Гурун держали за оба конца. Теплота костра и вкусный запах жаркого влили в наши жилы немного бодрости.

Наступил вечер. Внизу, под нами, лес погружался в бледный туман. Пронзительные крики лемура, звавшего свою подругу, прорезали тишину ночи. Другие лемуры отзывались в листве. Абу-Гурун вскочил. Наклоняясь над краем пропасти, он прислушивался к вызову, брошенному нам лесом. Залитый легким лунным светом, этот лес казался теперь менее страшным.

На крыльях ветра веял нам в лицо крепкий запах, внушиавший беспокойство. Запах гнили поднимался от застоявшихся вод, болотистых низин и тлетворных пластов ила. Воздух был пропитан миазмами, в которых чувствовалось зловоние гниющих пней, разлагающихся волокон, остатков мха и плесени. Этот запах заглушал все остальные. Ощущался только запах лихорадки и гнили, несшийся из леса, как дыхание невидимого существа, медленно умирающего

под деревьями.

Вдруг над лесом засиял слабый огонек. Затем другой, третий.

Зародившись на чумных болотах, бесчисленные блуждающие огоньки затеяли свою игру в густой листве леса. Их слабый, зеленоватый свет неожиданно вспыхивал, трепетал несколько секунд и потухал.

При их слабом дрожащем мерцании туманы, расплывавшиеся в листве, принимали таинственные образы... со всех сторон оживали призраки. С дерева на дерево перебрасывали они свои развевающие одежды, колебавшиеся от ветра. Порой они соединялись вместе, образуя взлохмаченный хоровод. Они кружились в неопределенных очертаниях и рассеивались от одного дуновения. Не принял ли одно из этих видений ужасающего образа? Но Абу-Гурун вдруг задрожал с головы до пят и я услышал, как застучали его зубы.

— Посмотри-ка, он ползет к нам, его длинные руки точно что-то ксят.

Он еле-еле ворочал языком и хрюплю докончил:

— Убежим скорей, это Азраил, ангел смерти!

Всю ночь метался нубиец, задыхаясь у костра перед тлевшими под пеплом углями.

Когда он поднялся для омовения, его лицо приняло свинцовый оттенок, а глаза еще более впали.

Тем не менее, мы не могли прийти к какому-нибудь решению.

Нам представлялись две возможности: или смело углубиться в лес, или идти до конца хребта, на котором мы находились и который окружал долину, соединяясь там, в смузной дали горизонта, с центральной цепью. В последнем случае нам предстояло очень долгое и мучительное путешествие.

Фои нетерпеливо вскочил на ноги, готовый пуститься в путь.

— Недалеко отсюда, — сказал он, — я знаю место, где гора спускается к опушке леса. Там, скрытые от всех глаз, вы можете разговаривать сколько угодно, прежде чем примете какое-нибудь решение.

Солнце приближалось к зениту, когда мы отправились к указанному месту. Утолив жажду, лежа на животе и уткнув носы в ласкающую влагу ручья, мы уселись на поросшем травой холмике. Глинистая почва была изрыта насекомыми и под жесткими злаками, прямо в помете антилопы, золотые навозные жуки спокойно скатывали свои шариками. Один из них, уцепившись задними ногами за шарик, который он только что изготовил, старался вкатить его на возышение. При малейшем препятствии шарик вырывался у него и скатывался назад. Насекомое сейчас же снова принималось за свою работу. Муни, горевшая желанием идти лесом, подняла на меня свои бесстрашные глаза:

— Вот пример для нас. Посмотри на это настойчивое насекомое!

Склонив голову, она принялась снова за наблюдение.

Жук по-прежнему уцепился за свой шарик и уже успел несколько раз свалиться. Но, по-видимому, его мужество несколько не было этим поколеблено. Настойчиво преследовал он свою задачу, с упорством, которое ничто не могло сломить. Абу-Гурун, растянувшись во весь рост, тоже с явным интересом следил за этим зрелищем:

— Вот он у цели! Нет, снова полетел кувырком!

Жук на этот раз остановился. Мимо него полз другой жук и между ними завязался короткий разговор. Что говорили они друг другу на неведомом языке, не двигая ни головой, ни туловищем, но все время сводя и разводя свои усики?

— Договор заключен, — объявил нубиец, — посмотри, первый тянет шарик своими задними лапками, а другой сзади подталкивает передними. Смелей!.. Ну, вот и влезли на верхушку холма.

Добрался ли жук до цели или хотел немного передохнуть, прежде чем продолжать путь? Но первое из насекомых, за сложными действиями которого мы наблюдали, с самого начала отделилось от шарика, второе же, наоборот, как будто еще крепче вцепилось в него, точно хотело подчеркнуть свое законное право на делянку.

— Ах! Шельма! — воскликнул с сияющим лицом Абу-Гурун.

Услужливый приятель жука оказался просто жуликом. Он незаметно напирал на шарик, который, наконец, потерял равновесие, повернулся на своей оси и перекатился вместе с жуком на другую сторону холмика. Трава была густая и мошенник, вцепившись в свою добычу, мгновенно скрылся.

Абу-Гурун захлопал руками. Его симпатии, естественно, были на стороне грабителя. Разбойничья душа нубийца сказалась во всей своей полноте.

От чего, однако, зависит иногда настроение!

Еще недавно, совершившие упавшие духом, теперь мы чувствовали себя значительно ободрившимися. Наши глаза были прикованы к ручью, шумные воды которого безостановочно бежали к лесу. Мы не произнесли ни одного слова, но все же думали об одном и том же.

— Не попытаться ли? — спросил Абу-Гурун, отвечая на мой вопрос, который я колебался высказать.

Он поднялся, лицо его выражало одновременно решимость и осторожность.

— Не попытаться ли? — повторил он, отчеканивая каждое слово.

Муни посмотрела на меня с выражением горячего желания, которое трепетало в глубине ее зрачков.

— Пусть так, — ответил я, — кое-какие шансы на успех у нас имеются, несмотря на большие неудобства!

В этот вечер, перед сном, мы долго мечтали у импровизированного очага, прежде чем сон посетил нас. Утренняя свежесть меня разбудила. Абу-Гурун и Муни, зарывшись в кучу вереска, мирно спали. Один Фои не спал. Скрючившись и упервшись подбородком в колени, он не смыкал своих кошачьих глаз, подернутых печалью.

Час разлуки наступил. Фои сосредоточился в себе самом, устремив неопределенный взгляд к своему внутреннему небу, усеянному, как звездами, едва осознанными понятиями, в которые он старался вникнуть.

— Тебя ждет Сао, — сказал я ему, сдерживая биение своего сердца, — спеши к ней и возвращайтесь вдвоем. Я подожду вас здесь и до самой смерти вы будете жить возле меня, как мои брат и сестра!

Он резко откинулся всем телом. К чему было настаивать? Весь его недоверчивый вид говорил о решительном отказе. Муни еще спала. Я хотел разбудить ее, чтобы она распростилась с Фои, но тот остановил меня, положив мне руку на плечо:

— Пускай спит! Скажи ей, что мы с Сао навсегда сохраним воспоминание о ней.

Лицо Фои снова приняло доверчивое выражение. Его рука скользнула с моего плеча и соединилась с моей. Так стоял он некоторое время, не двигаясь, только губы слегка вздрогивали.

— Вспоминай, — наконец сказал он мне, — что касается меня, то я никогда не забуду!

Он сильно сжал мою руку и нагнулся, чтобы поднять свою палку...

Муни пошевелилась, — он поднес палец к губам, призывая к молчанию, и затем, не поворачивая головы, пошел своим широким, колеблющимся шагом, размахивая длинными руками, свешивавшимися до колен.

XII

АЗРАИЛ

Для читателей, заинтересовавшихся моим рассказом, я привожу здесь несколько заметок, которые я делал изо дня в день во время наших скитаний по лесу ужаса.

21 сентября. Со вчерашнего дня мы идем вдоль русла потока. Сегодня вечером течение сделалось тише, и мы построили плот, связав лианами несколько стволов дерева, легкого и нетонущего, как пробковый дуб. Таково хрупкое судно, несущее нас к лесу.

22 сентября. Лес точно убегает от нас, так как поток ускользает каждый раз, как только лес пытается заключить его в свои оковы. Когда большие деревья на берегу закидывают свои корни, чтобы задержать его, он быстро поворачивает в сторону и спешно скрывается под скалами.

24 сентября. Река понемногу покоряется и поддается обольщению леса. Она течет вдоль рыхлых берегов, и плот тихо, замирая скользит по ней, так что нам нет надобности прибегать к шестам. Количество деревьев увеличивается, и некоторые, наклонившись у самого берега, растут почти горизонтально. Лианы обхватывают их там своими узловатыми руками; выонки и пассифлоры качаются по ветру; на каждом разветвлении произрастают удивительные растения, паразиты, — похожие на опухоли и наросты, грибы, — целый растительный мир. Нигде я не видел такого разнообразия гибких и извивающихся лиан и лоз, прицепившихся к стволам или приросших к коре. Деревья бросаются сразу целой толпой, толкают, душат друг друга, только бы скорее прорваться к свету; самые старые, угрюмо расстилающие свои корни по поверхности воды, оттиснуты назад в этой давке, искривлены и покрыты зобами и наростами.

26 сентября. Мы плывем в зеленом туннеле. Там и сям дремлют рыжие летучие мыши, зацепившись за нижние ветки. Вдруг, без всякой видимой причины, они всполошились и шумной тучей поднялись вверх, хлопая по воздуху свои-

ми тяжелыми крыльями. Все живое приходит в движение. Маленькие зеленые змеи, извивающиеся в ветвях, шипят и поднимают свои плоские головы. Они падают, как водоросли, на поверхность реки и ныряют быстрее удара меча.

— Ложитесь ничком, — кричит Абу-Гурун, — летят осы!

Их жужжание приближается. Они пролетают сплошной массой, бесчисленные и прижатые друг к другу, как песчинки на лагуне. Звучащая сеть, ткань из прозрачных и раздраженно бьющихся крыльев протягивается от одного берега к другому. Под нею все погружено в сумеречную полутьму. Растигнувшись на плоту, мы закрыли себя одеждой. Рой пролетает над нами с шелестом беспрестанно разрываемого шелка.

27 сентября. Сегодня вечером обычная гроза застигла нас неожиданно. В мгновенье ока река была изрезана, изрыта и взнутра бурей. Можно было подумать, что адский огонь вскипятил ее крупными пузырями. Наш плот, уносимый по воле течения, летит, как стрела из самострела.

Берег проносится мимо нас с быстротой молнии; бесчисленные болотные птицы с взъерошенными перьями прижимаются туловищем к земле и целиком зарывают в песок свои длинные окоченевшие клювы, чтобы устоять против вихря.

После урагана вода нанесла всевозможные обломки. Среди полуэтонувших деревьев и испачканных грязью ветвей в беспорядке застрияли осинные гнезда и гнезда ткачей, птицы, запачканные грязью, белки, улитки, пресмыкающиеся, словом, все мелкие обитатели листвы, которых унесла буря.

28 сентября. Течение начинает лениться. Оно только набегает чуть видными морщинками вокруг низких веток, купающихся в воде. А вода почернела от гниющих веществ, разлагающихся волокон и миллиардов микроскопических животных, плавающих, движущихся и ныряющих целыми тучами.

Изобилуют водяные растения; ленты водорослей тянутся, как щупальцы спрута; кувшинки и водяные папоротники образуют зеленоватые острова; тлетворный запах исходит от этих растений, когда концами наших шестов мы слу-

чайно приподымаем их студенистую изнанку.

30 сентября. Берегов больше не видно, — не в центре ли мы пруда, неясные берега которого теряются в тумане? Имеет ли этот пруд выход? Мы наугад направляем наш плот, задерживаемый травами. Жарко, как в бане. Измученные и запыхавшиеся, мы, наконец, добираемся до черных корнепусков. Они погружают в тину обломанные ветви, сплошь усеянные бородавками и узловатостями. Мы проезжаем под ними, как под арками. Омертвевые, покрытые плесеню корни с висящей бахромой гниющего мха срастаются и сплетаются меж собой... Вдоль пней змеи, черные, как сажа, высовывают свои треугольные языки; в глубине каждой ямы кишат покрытые прыщами жабы, саламандры и большие гнойные мокрицы, но самые отвратительные чудовища гнездятся в грязи. Прожорливые земляные черви копошатся, расползаются и свиваются попарно. Нет ничего отвратительнее этих личинок, двигающих лапами, вертящихся, скользящих и опрокидывающих друг друга в зеленоватой пене. Каждый раз, когда наш плот, лавируя, задевает за дно этой клоаки, водяные пузыри поднимаются на поверхность и, лопаясь, выделяют тошнотворный запах.

7 октября. «О чем ты думаешь, Абу-Гурун?» Он поднимает бледное лицо, протирает глаза и тупо отвечает мне: «Ни о чем... о разных вещах!..»

Мы покинули наш плот. Перед глазами невообразимое пространство черных болотистых вод. Позади чаща. Если мы хотим спастись от дыхания заразного воздуха, необходимо завтра же пробить, во что бы то ни стало, путь через это море ветвей и зелени.

Голод буравит внутренности и Муни забирается в чащу в поисках чего-нибудь съедобного. Она возвращается и Абу-Гурун с трудом поднимает свои отяжелевшие веки.

Муни не спеша вынимает один за другим собранные в сумку плоды: пыльные, сиреневые фиги и ароматные с алыми щечками, хрустящие на зубах.

О, дикие лесные фрукты, маленькие, кисловатые и терпкие, какими вы казались нам вкусными!

2 октября. Судьба нам благоприятствует. Мы только что

открыли слоновую тропу. Она, как темное кольцо, проникает галереи вглубь леса и тянется, покуда хватает глаз. Листва плачет в ней бесчисленными каплями воды в сумерках, никогда не озаряемых ни единым лучом. Мы подвигаемся с трудом, по щиколотку в грязи. Вдруг шум тяжелых шагов возвещает нам о приближении слонов. Мы торопливо бросаемся под прикрытие и ждем с лихорадочно бьющимся пульсом. И вот они появляются. Во главе шествуют самки, маленькие глазки которых внимательно всматриваются в окрестность. Затем гуськом идут самые молодые, клыки которых едва еще прорезываются. Огромный самец замыкает шествие. Его хобот раскачивается во все стороны, срезая ветви, и под его ступнями лесные ягоды лопаются с треском, похожим на треск загорающихся сухих листьев. Не почуял ли он нас? Его уши беспокойно движутся и он испускает короткий пронзительный свист. Он совсем близко... почти около меня. Протянув руку сквозь листву, я мог бы дотронуться пальцем до черноватой кожи, покрытой шрамами.

3 октября. Абу-Гурун меня беспокоит. Его черты потеряли симметрию; глубокие складки, начинаясь у окончания носа, врезываются в контур его щек. Несмотря на ужасную жару, он дрожит и стучит зубами. По временам словно бред охватывает его мозг, и он шлепает вперед, не жалея своих худых ног, покрытых царапинами от укусов насекомых и падает, окончательно обессиленный. В отчаянии, он запрокидывает голову и там, в вышине, сквозь непроницаемую листву старается найти солнце, которого, быть может, никогда не увидит.

4 октября. В темноте, пропитанной испарениями листьев, ночи тянутся бесконечно. Ветви не пропускают ни отблеска звезды, ни лунного луча! Только там и сям вспыхивают огненные мухи, трепещут одно мгновение и снова гаснут во тьме. В этом густом мраке, окутывающем все предметы, бьется напряженная жизнь леса. Она — в жужжании москитов, которых мы давили горстями, она — в шелестящих извивах змей в траве, в скользящем беге маленького плотоядного животного; она в кваканье лягушек, в точа-

щих стволы насекомых, в белках, грызущих орехи, в птицах, застигнутых хищной кошкой и бьющих крыльями на верхушке дерева. Вдали мяукает пантера; где-то совсем близко гагаго* своим пронзительным криком вспугивает тишину; вокруг нас шимпанзе и большие бабуины барабанят кулаками по дуплистым деревьям.

5 октября. Нам положительно везет. Галерея, в которую мы проникли ползком сегодня утром, вывела нас на вольный воздух, к полянке, где поредевшие большие деревья дают возможность увидеть кусочек голубого неба.

Здесь происходил какой-то стихийный переворот. Молния и ветер сообща опустошили все на поверхности многих льев. Остались только несколько тысячелетних гигантов. Их листва качается над опустошенными лесными порослями.

Прислонясь к дереву и поставив левую ногу на правое колено, Муни длинным шипом, который держит в руке, старается извлечь клеща, снесшего свои яички под ногтем ее ножного пальца. Чтобы освежить гноящиеся на ногах раны, Абу-Гурун вошел до половины туловища в ручей, катящийся среди сломанных деревьев. Немного выше, склоняясь над чистой водой, я большими глотками утоляю жажду, зачерпывая пригоршнями воду.

Мы победали тушеной черепахой и молодыми белками, взятыми из гнезда в дупле дерева. Стоя вокруг костра, бросавшего слабое пламя, мы похожи на лесных гномов, вышедших из старого пня и поймавших блуждающий огонек.

— Знаешь, о чем я думаю? — внезапно сказал Абу-Гурун, отрывистый голос которого разрезал, как резцом, великолепное молчание прогалины. — Я думаю о ночах в пустыне, когда сияют бесчисленные звезды, как муравьи в муравейнике, и когда спишь у палатки под беспредельным ясным небом!

Вдали поднялся шум, тот шум, который убаюкивает каждый вечер наш сон и который производят бабуины, мерно ударяя кулаками по коре деревьев.

* Хищное животное из породы полуобезьян, питающееся разными маленькими животными, за которыми охотится только ночью.

— Ты слышишь? Можно подумать, что там в лесу празднуют свадьбу.

И, после продолжительного припадка кашля, он продолжал:

— Точно такой же шум раздается в пустыне, на привале, когда звуки там-тама призывают девушек и смуглые девы моей родины пляшут поочередно в середине круга, бросая вызов звездам, меркнущим перед блеском их черных глаз!

Он вытянул свои ноги к огню и щелчком сбросил целую гроздь пиявок, присосавшихся к одной из кровоточащих ран.

— Странно, — прибавил он, — с некоторых пор я больше не владею своими мыслями; они все время возвращаются к моему детству и моей родной стране.

— Где же твоя страна, Абу-Гурун? — спросила Муни.

Я видел, как его глаза дрогнули, когда он ответил:

— Она тянется от Феццана к Дарфуру и от Дарфура до Канена. Моя страна так велика, что этот лес казался бы в ней пучком травы, затерявшимся среди дюн.

— А моя совсем мала, — сказала Муни, — но деревья, цветы и птицы там красивее, чем где бы то ни было.

Нубиец закусил губы, из которых сочилась кровь.

— Там, где родился я, нет ни цветов, ни деревьев, ни птиц, только песок, но какой белый, какой чистый! Повальнаясь в нем голым и выйдешь чистым, светлым и гладким, как порошок.

Он развелновался и, словно галлюцинируя, уставил лихорадочно горевшие глаза в одну точку.

— Что ты говоришь о цветах? У нас есть цветы, расцветающие каждой ночью. У нас есть ручьи — волнующиеся дюны, на которых растянувшись во весь рост и тебе кажется, что тело твое баюкают журчащие волны.

Крик задышенной лани прорезал воздух. Абу-Гурун вздрогнул и, закрыв лицо руками, погрузился в немое раздумье.

В луже, у его ног, отражался уголок неба.

Тихо шелестел ветер, а в вышине виднелась только одна звездочка, робко мерцающая между двумя ветками.

6 октября. Абу-Гурун, проснувшись испустил крик ужаса.

Взяв его под руки, я помог ему подняться. Его жалкие ноги совершенно обнажились и я увидел, что язвы еще увеличились от порезов острых трав.

— Поверь, — заявил он, — я могу идти, если понадобится, еще хоть восемь дней.

Обмыв его раны водой, Муни перевязала их листьями банана. Затем мы все трое начали ходить около преграды, выискивая хоть какую-нибудь щель.

— Подождите меня, — сказала Муни, — я сейчас вернусь.

Мы увидели, как она ползком исчезла в листве. Появившись через некоторое время, она сделала нам знак рукой и мы, лежа на животе, поползли за нею по проложенной ею борозде.

— Внимание! налево осиное гнездо!

Продолжая лежать на животе, она посмотрела в противоположную сторону.

На земле копошилась кипучая жизнь, которая рождается из разлагающихся веществ. Рубя сучья справа, подсекая растения слева, согнувшись вдвое, мы пробирались сквозь заросли, извиваясь, как змеи, делая бесчисленные крюки, чтобы избежать терний, пресмыкающихся и колонн муравьев, характерный запах которых выдавал их на расстоянии.

— Ради бога, передохнем немного! — взмолился Абу-Гурун, лицо которого в сумраке казалось синеватым.

Мы находились в уголке, образованном несколькими стволами, ветви которых сплетались в подобие свода. Гнилое дерево, почерневшее от плесени, ломалось под пальцами и обнажало таинственные гнезда, копи и галереи. В их глубине двигались чьи-то лапки, работали челюсти и жвалы. Каждая дыра служила убежищем для насекомых-разрушителей. Жуки-долгоносики, термиты, уховертки были так многочисленны, что, приложив ухо к стволу, мы слышали беспорядочный шум от копошащихся насекомых, которые грызли, точили и пилили с неустанной прожорливостью.

— Берегись! — крикнула Муни, показывая на блестящих черных муравьев, которые среди складок коры длинными вереницами ползли надо мной.

— Ко мне! — раздался вдруг испуганный голос Абу-Гу-

руна. Сколопендра с красными ножками, гибкое туловище которой ерошилось зеленым шелком, впилась с таким осторожением в его затылок, что пришлось раздавить насекомое на месте. Его челюсти остались в коже, которая вздулась и приняла синеватый оттенок.

8 октября. С деревьев капает вода и ни единий луч света не пронизывает листвы.

— Идите одни, — стонет Абу-Гурун, — я отказываюсь продолжать путь.

Его ноги представляют сплошную рану. Пользуясь бессилием несчастного, пиявки не дают ему ни минуты покоя. Когда он проходит по чащам, они ливнем падают на него; пузыри на его ногах лопнули и образовали язвы, из которых самая большая — на икре — имеет размер монеты в пять су. Однако, он продолжает путь, опираясь рукой на мое плечо.

Почва губчата и грибы в изобилии растут на перегное. Они виднеются в глубине выбоин, на влажных мхах, вдоль откосов и усеивают старые пни. Тут и сморчки с карминовой прической, и волосатые подвишенники ультрамаринового цвета, и лисички с шафрановыми завитками, и бронзовые боровики, и багровые ядовитые грибы, словом, все виды, — от безобидных груздей до самых опасных мухоморов.

Я нашел грибок, шляпка которого равнялась почти двум метрам в окружности. Он был в лохмотьях и издавал неприятный запах плесени. Противные волосатые улитки, волосики которых при соприкосновении жгут сильнее крапивы, прилипли к его шейке, точно приклеенные; мошки ржавого цвета жужжали вокруг его гнилого ствола. Я наклонился, чтобы лучше разглядеть его, как вдруг плоская муха со сложенными крыльишками скользнула под мою одежду. Резким ударом по моему рукаву Абу-Гурун раздавил ее наполовину и протянул мне насекомое, которое держал концами пальцев.

По маленькому значку, черневшему на его туловище, я узнал мууху «цеце», укус которой убивает животное и вызывает у человека явления сонной болезни.

Но цеце редко залетает в высокие леса; она охотнее ос-

тается на пастбищах с редкими лесистыми полянками.

Уж не пришли ли мы к концу нашего пути?

С надеждой в сердце Абу-Гурун прибавляет шаг. За ним Муни со связкой густых веток в руке отгоняет мух и слепней, упорно преследующих нубийца с утра до вечера.

7 октября. Абу-Гурун стонал всю ночь. Утро уже оросило траву, когда он заснул, завернувшись в складки своего бурнуса. Муни тоже уснула; тихое, ровное дыхание вылезает из ее полуоткрытоого рта и мерно колышет стебельки травы около лица.

День предстоит мучительный. Деревья, вырванные циклоном и наваленные в беспорядке друг на друга, образуют преграду, кажущуюся непреодолимой.

Я бродил, исследуя встречающиеся препятствия, когда Абу-Гурун вдруг проснулся. Он с беспокойством осмотрелся по сторонам. Увидев меня перед нагроможденным деревьями, он крикнул с рыданием в голосе:

— Не оставляй меня здесь одного! Сжался, не уходи без меня!

В его взгляде горела тоска. Опираясь руками о землю, он попытался встать на ноги, но снова упал с глухим стоном.

— Не бойся, — сказал я ему, — никто и не думает покидать тебя.

— Где Муни? — спросил он меня.

— Она ищет дикие плоды в кустарниках.

— Не надо ждать дольше, — сказал он прерывающимся голосом, — я умру спокойно, зная, что вы в безопасности!

В ту же минуту появилась Муни с ужасом на лице.

— Мы погибли! Со всех сторон нас окружают карлики!

И, дрожа, прибавила:

— Вчера еще они расположились возле нас. Вся почва изрыта кожицей амомы* и недоеденными ягодами!

Абу-Гурун стал искать мою руку и, когда почувствовал ее в своей, сказал:

— Умоляю тебя, уведи ее скорее. Оставьте меня одного с

* Пряное растение.

надеждой, что вы увидите вашу родину. Я умру тогда спокойнее!

Муни наклонилась к нему и концами пальцев отерла волосы, прилипшие к его вискам. Нубиец взял ее лицо меж своих ладоней:

— Позволь мне посмотреть на тебя в последний раз. Там, в палатке, раскинувшейся около дюн Канена, у меня есть дочь, похожая на тебя. Что-то мне говорит, что ее судьба связана с твоей!

Он закончил, не переводя дыхания:

— Я сказал; теперь уходите... не делайте шума... а я повернувшись в ту сторону, где встает солнце, чтобы встретить смерть.

Не желая раздражать его, мы удалились в молчании. Однако, в глубине чащи мы выжидали дальнейшего. Когда нубиец решил, что мы уже далеко, он приподнялся на локте; схватив тыквенную бутылку, содержащую немного холодной воды, он поднес ее к губам и упал с подавленным стоном. Вскоре мы увидели вереницы красных муравьев, взбиравшихся по складкам бурнуса и набросившихся на лицо Абу-Гуруна. Муни подбежала к умирающему, протянув руки:

— Прости, Абу-Гурун, мы не в силах уйти.

9 октября. На рассвете первым делом я посмотрел на нубийца. Вытянувшись на спине, он созерцал листву, сквозь которую его глаза тщетно искали исчезнувшее солнце. Муни положила около него свою утреннюю добычу: несколько невкусных слив и с дюжину бобов в стручках жестче кожи. Он медленно отодвинул их рукой. Ни слова... ни движения... У него едва хватает сил шевельнуть веками, чтобы отогнать назойливых мух.

10 октября. Абу-Гурун только что умер. Ливень целую ночь хлестал по листву. На утро луч света пробился сквозь ветви. Нубиец не отрывался глазами от этого бледного отблеска и умер, когда его затуманили поднявшиеся от трав испарения.

ЭПИЛОГ

Здесь прекращается мой дневник.

В продолжение восьми дней мы с Муни блуждали среди таинственных дебрей леса. Везде мы открывали следы карликов. Без сомнения, они следили за нами с вершин деревьев, ожидая удобного случая напасть на нас. Всегда полные беспокойства, всегда настороже, мы шли, как загнанные звери, бегущие наугад. Малейший шум заставлял нас останавливаться и задыхаться от волнения. В дуновении ветра нам чудился полет маленьких деревянных стрел, со свистом пронизывающих листву над нашими головами.

Куда мы направляемся? Растительность так густа, что мы не знаем, с какой стороны солнце поднимается и с какой садится.

Может быть в полусвете, затемненном парами, мы вернулись назад?

Но нет. Инстинкт вывел нас к опушке леса. Почва заметно повышается. Деревья поредели, воздух чище, капли росы сверкают на короткой траве.

— Мы приближаемся, — восклицает сияющая Муни. — Посмотри там, вверху, на листьях, видишь, этот светлый, золотистый, точно медовый, цвет. Побежим скорее, я узнаю свет солнца!

Вне себя она бежит вперед, обезумев от радости. Увы! скоро она останавливается с криком боли. Маленькая заостренная палочка, воткнутая вкось у ствола дерева, вонзилась ей в голую ногу. Она лихорадочно вырывает ее и с беспокойством смотрит на меня.

Я взял пальцами предательское оружие. Оно похоже на то, которое карлики обычно скрывают в траве. Его острие, длиной всего в несколько сантиметров, обмазано веществом коричневого цвета. Приторный запах этого вещества похож на запах вытяжного пластиря. Это, безусловно, тот смертельный яд, который убивает слонов и пантер. Абу-Гурун был прав: тень Азраила витает над нами.

Лицо Муни приняло тоскливо выражение. На моих ко-

лених лежит ее маленькая ножка. На ней виден укол величиной не больше точки, но которой совершенно достаточно для того, чтобы через нее смерть проложила себе дорогу.

— Что с тобой? — спрашивает она меня, кусая губы. — Почему ты так бледен? Это не гадюка; меня уколола простая ветка!

Не отвечая ей, я открываю рану, которую высасываю губами и нажимаю затем пальцами. Тело вокруг раны не вздулось; появилась только мягкая опухоль, которая понемногу разрастается.

Поняла ли наконец Муни? На ее лице появляется выражение дикого ужаса; с поднявшимися волосами, она устремляет на меня выкатившиеся от страха глаза.

— Успокойся, я высосал весь яд; ничего не будет.

Я посадил малютку к себе на колени и обнял ее. Но она неподвижна и серьезна. Глаза ее закрылись, как будто для того, чтобы не видеть призрака смерти и ускользнуть от ее тайн.

Как обезобразили это нежное тело лишения! Изящно выточенные уши растянулись; на подбородке исчезла ямочка, которая так шла к ней; мускулы рук пропали и ребра выступают под грудью; но что значит все это в сравнении с сознанием, что мы приближаемся к цели, что значит все это, если яд пощадит ее?

К несчастью, действие яда настолько же неумолимо, как и быстро. Члены Муни уже слабеют и сгибаются, ее сердце бьется сильными, беспорядочными перебоями и ледяной холод заставляет ее дрожать до мозга костей. Она раскрыла глаза, устремленные неизвестно куда, и я вижу слезу — первую слезу — дрожащую на ее ресницах.

— Умереть? Неужели я умру?

Она делает последний тосклиwyй жест, чтобы поднести к шее свои бедные скрученные руки, пальцы которых больше не сгибаются. Я приподымаю ее голову и целую в лоб, в волосы, слипшиеся от предсмертного пота.

Что сказать еще?

Весь день и всю ночь сидел я, убитый, у трупа моей подруги, пораженный тем столбняком, в какой нас погружают

роковые события. Там и нашли меня английские офицеры, охотившиеся на буйволов.

Машинально я последовал за ними на ближайшую стоянку.

В отведенной мне комнате было зеркало. Я увидел в нем иссохшее, покрытое лохмотьями, бледное, худое лицо, заросшее до бровей взъерошенной бородой и сухие глаза, блеск которых угас навсегда.

— Вы действительно шли из Убанги? — спросил меня комендант после общего обеда. — Вы побили рекорд и мне хотелось бы узнать ваши приключения!

Я вытер губы и начал свой рассказ. Когда я окончил, комендант приложил указательный палец ко лбу и подмигнул товарищам:

— Это невозможно! — заявил он. — Все это вам приснилось. Придите в себя, дорогой мой: Агутлу не существуют!

ОБ АВТОРЕ

Ремон Мариваль — псевдоним Мари-Луи-Ремона Вайсье (1864—1957), кавалера ордена Почетного легиона, на рубеже веков — мирового судьи во Французском Алжире. В 1901 г. опубликовал колониальный роман «Янтарная плоть» о любви и трагической гибели алжирской крестьянской девушки. В следующем романе Мариваля «Le Çof: Обычай кабилов» (1902) о любви молодого судьи, приехавшего в Алжир из метрополии, и кабильской девушки, ощущаются автобиографические нотки. Фантастический роман «Агуглу» (*Les Augouglous*) был выпущен в Париже в 1923 г. издательством «Фламмарион» в серии «Библиотека приключений»; русский перевод был опубликован в 1925 г. ленинградским издательством «Наука и школа.»

Текст публикуется по указанному выше первоизданию. Пунктуация и отдельные устаревшие обороты приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.